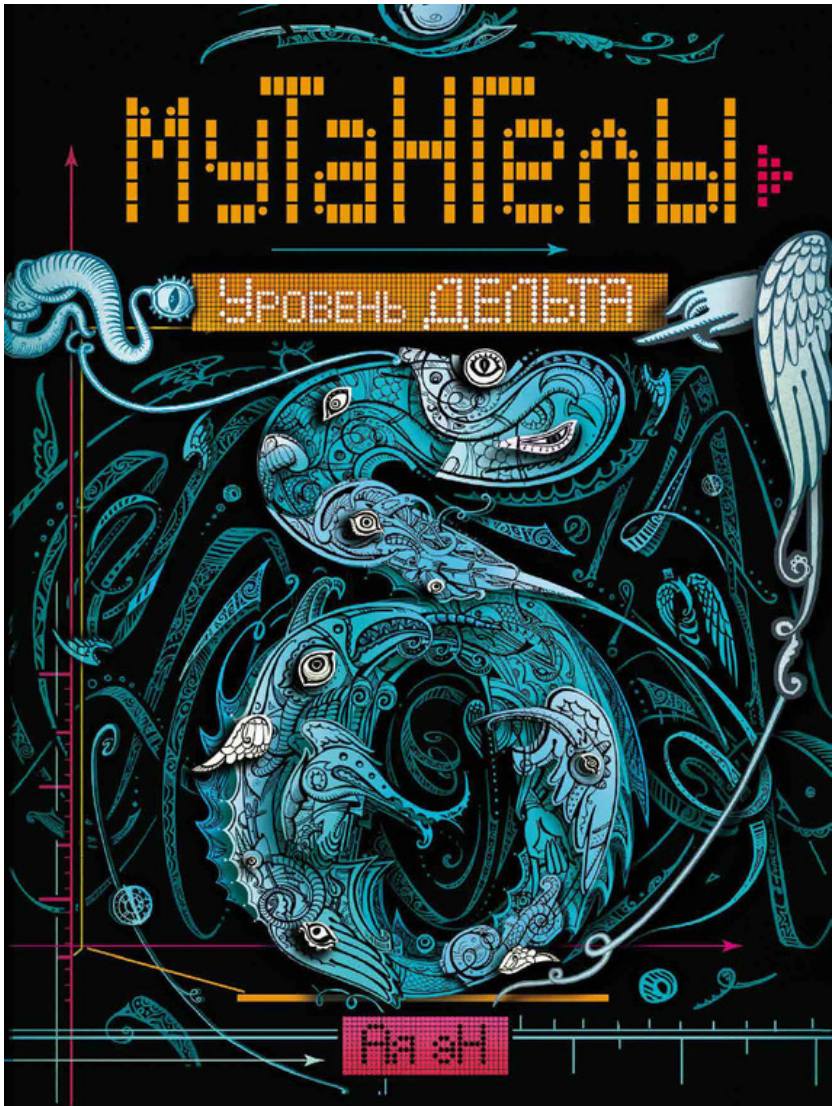

МЯТАКЕНЫ

ПРОБЕЛЬ ДЕНЕТА

ПРЕС

Ая эН
Уровень Дельта
Серия «Мутангелы», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18305820

Уровень Дельта : роман / Ая эН.: Росмэн; Санкт-Петербург; 2015

ISBN 978-5-353-07184-6

Аннотация

«Дельта» – вторая книга в серии «Мутангелы». Что же это такое – школа для особо одаренных мутантов? Блестящее учебное заведение, после которого перед учениками распахнутся все двери, или одна большая пыточная камера? И угораздило же Риза туда попасть! Да еще под видом Дюшки, который так глупо погиб... или похищен? И что это за странный, удивительный мир, в котором очутилась Варя? Что за нить тянется из ее ладони? Куда она ведет? К концу Земли-11 или к началу нового, никому пока не известного мира?

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	28
Глава 3	45
Глава 4	61
Глава 5	74
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Ая эН

Уровень Дельта

В серии «Мутангелы» вышли книги:

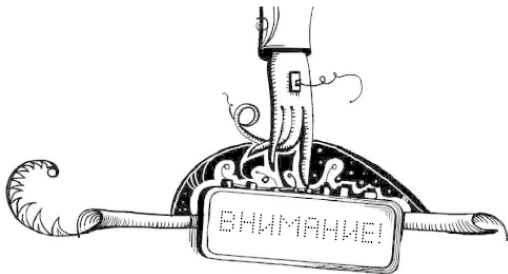
1. Уровень Пи
2. Уровень Дельта

Ангелы никогда не врут.

Но это не означает, что они всегда **говорят** правду.

Инструкции, данные между строк в этой книге, не представляют ни *малейшей опасности* для любого, кто является человеком, только человеком, и никем, кроме человека.

Всех остальных мутангелов, а особенно инфилоперов (даже если они не помнят, кто они такие, и считают себя обыкновенными людьми), Мебби Клейн просит при прочтении соблюдать все необходимые меры предосторожности. Помните, что человек отвечает только за свою жизнь, а мутангелы в ответе за все происходящее.

Везде далее: **Диди** = дополнительная информация для инфилоперов.

Глава 1

За пять часов до...

До встречи Нового, двести пятьдесят шестого года по стандартному мутантскому календарю на тридцать восьмом меридиане родной планеты Ирочки Слунс оставалось всего пять с половиной часов. Ирочка, приятная во всех отношениях мутантка третьего порядка, обладающая изысканными аристократическими манерами и умеренной способностью к левитации, была типичной совой. То есть она была совой не по внешнему виду, а по врожденной привычке ложиться далеко за полночь, а спать потом до полудня. Если Ирочке приходилось вставать утром, это была настоящая беда, у нее все валилось из рук. Чай лился мимо чашек, чашки падали на пол, а тарелки с блюдами упархивали через весь стол, как у

Доры-Федоры из известного в древности детского стихотворения. Верхние Ирочкины руки еще ничего, как-то справлялись, а вот с нижними по утрам было совсем тоскливо. Хорошо, что у нее выросло всего две пары рук, иначе семья рисковала остаться вовсе без посуды.

Семья Слунс состояла из пяти членов: мужа Егора, представительного менеджера представительной фирмы, сына Рино, среднего ученика средней школы, двух симпатичных домашних животных – царапазаврика Васьки и покусодонта Куськи и, наконец, самой Ирочки, журналистки научно-популярного журнала, известного исключительно в научно-популярных кругах. По вечерам, когда мужчины отправлялись спать, а покусодонт с царапазавром забирались на чердак выяснять отношения, сова Ирочка садилась писать стихи или править статью для очередного номера. Иногда она вылетала подышать свежим воздухом и немного развеяться. Летала в одно и то же определенное место: в трех километрах от дома Слунсов на огороженной и так себе охраняемой территории пустовала великолепная вилла неместного богача.

Когда-то, когда Ирочка была еще школьницей, хозяин приезжал сюда со своей супругой, капризным годовалым мальчишкой, поваром, няней, штатом придурковатых охранников и здоровенным полосатым воздушным шаром. Шар надували на поле за виллой. Местных жителей в лице Ирочки и десятка других мутантов ее же возраста охранники снисходительно не отгоняли. Взрослых же, помахивая пор-

тативными пулеметами, вежливо попросили разойтись. Если бы не шар, Ирочка и не вспомнила бы, что на вилле когда-то жили. В компьютере на первом этаже она откопала снимок орущего хозяйского малыша на фоне этого шара. Сдвинула малыша в угол, а в центр поместила себя в возрасте пятнадцати лет. Получилось очень неплохо. Новый вариант фотографии Ирочка распечатала, вставила в рамочку и повесила в холле, напротив входной двери.

Подготовив у себя дома все к встрече Нового года, Ира Слунс решила ненадолго отлучиться на «свою» виллу. Пока ее мужчины приводили себя в порядок, у Ирочки оставался почти час свободного времени. Им надо было воспользоваться. Потом начнутся звонки, заглянут с поздравлениями соседи, перевернут все вверх дном чумовые елочки... Елочки приходили водить хороводы в каждый дом, в котором жили люди. Вокруг Ирочкиной виллы их следов не было. Ирочка привычно пролевитировала в овальную дыру, образовавшуюся в защитном поле много лет назад, подлетела к окну на втором этаже, толкнула его и проникла в помещение.

Каждый предмет внутри ей был знаком с детства. Здесь можно было отдохнуть, отвлечься, расслабиться. Убиралась вилла автоматически, независимо от того, пачкал в ней кто-то или нет. Камеры наблюдения были отключены. За двадцать лет своих полетов сюда Ирочка привыкла к тому, что можно бросать на пол фантики и огрызки, расплескивать пену в ванной комнате и стрелять в стены кетчупом из детского

водяного пистолетика. Короче говоря, было очень удобно.

В последнее время стрелять кетчупом не хотелось. Тем более что за эти годы два из трех уборщиков вышли из строя, третий, что называется, дышал на ладан, а чинить чужие вещи за свой счет Ирочка, естественно, не собиралась. Она с удовольствием опустошила очередную бутылку коллекционного вина из погреба, покатила шары в бильярдной – нижние руки против верхних, расстроилась из-за того, что верхние опять выиграли, и поднялась в башенку, где находилась обсерватория. Телескоп был старый, плохонький, морально устаревший. Но астроном из Ирочки тоже был никакой, так что ей хватало. Кроме того, она обычно поднималась в башенку не для того, чтобы глазеть на небо. Просто тут уютнее думалось.

А поразмыслить Ирочке было о чем: два часа назад им с мужем пришло сообщение о том, что их сын Рино по результатам прошлого теста (какого еще теста?) отобран для обучения в школе для особо одаренных детей и срочно, прямо завтра, приглашается на собеседование в Институт биофизики... Ну, и так далее. Рино был веселым, общительным ребенком. Достаточно живым, энергичным и при этом совершенно бесконфликтным. Но назвать его особо одаренным Ирочка даже при большом желании вряд ли бы могла. Но приглашение не было ошибкой: в нем абсолютно точно указывались не только их адрес, имена и так далее, но и размещались объемные фотографии с просьбой ответить, не изме-

нилась ли внешность кого-либо из членов семьи за последнее время. Оказывается, это было существенно для оформления спецпропусков на территорию школы, куда приглашался для бесплатного (оу, вот это существенный момент!) обучения их отпрыск. Ирочка утонула в кресле в углу обсерватории и задумалась.

Внезапно она услышала внизу непонятный шум, выглянула в окно и с удивлением обнаружила гостей. Ирочка нахмурилась. Какие-то посторонние люди, которых никто сюда не приглашал, копошились у центральных ворот. Отсюда, с высоты, все было видно как на ладони. Вот они открыли ворота, – какая наглость, подумать только! – въехали на машине во двор и остановились. Перед домом снег не разгребался, и водитель не решился бороздить сугробы дорогим авто. Из машины вылезли двое. Один мужчина, одетый по последней моде, достал из багажника бямску (маленький, но очень нужный прибор в условиях севера) и направил широкий луч в сторону сугробов у входа. Пока сугробы таяли, из машины вылез второй мужчина. Он был пониже ростом, в простой потрепанной куртке и старых ботинках «Ой, мама». Ирочке показалось, что его шея замотана мохнатым шарфом. Но, может быть, это была шерсть. Некоторые мутанты обрастают под зиму.

Так или иначе, надо было сматываться, пока ее не обнаружили. Сделать это можно элементарно: как только мужчины войдут в дом, открыть окно и... Ирочка зевнула и замер-

ла в ожидании. От окна она не отходила. Даже если кому-то из посетителей пришло бы в голову поднять глаза, они вряд ли бы обратили внимание на неподвижное очертание неясной формы за сбившейся в угол шторы. Первый мужчина без труда вошел в дом. Судя по тому, что сигнализация не сработала ни около ворот, ни сейчас, а гости вели себя спокойно и уверенно, Ирочка поняла, что они здесь на законных основаниях. Что ж, жаль. Интересно, долго ли они тут пробудут? Хорошо бы не увезли оставшееся вино. Оно такое вкусное! В холле зажегся свет, включилась иллюминация и над входом. Ирочка инстинктивно отпрянула в глубь своего убежища. Мужчина в куртке открыл заднюю дверцу машины и с трудом принялся выволакивать что-то тяжелое с заднего сиденья. Ирочка вся превратилась во внимание. Первый мужчина выскочил из дома и бросился на помощь второму. С чем же они возятся? На мгновение оба человека разогнулись, и Ирочка увидела, что они заносят в дом труп подростка: один за ноги, второй за плечи. Лица Ирочка толком не разглядела. Но определила, что это еще практически ребенок. Может быть, даже живой. Ну да, скорее всего, живой. Как только троица скрылась в доме, Ирочка ускользнула.

Майкл Кэшлоу, единственный сын богатенького хозяина виллы, вместе со своим бывшим одноклассником, а ныне дрессировщиком слоникотюбов Александром Мышовым по кличке Мормышка Ы, затащили Дюшку в одну из спален на

втором этаже и бросили поперек кровати.

– Он весь мокрый и холодный. Там, внизу, гардероб есть на все случаи жизни. Откопай что-нибудь попримличнее, переодень его и засунь под одеяло, – распорядился Майкл.

– Я? Почему я?

Взгляд Майкла заставил Мормышку Ы втянуть голову в плечи.

– Потому что ты теперь – мой сообщник. По похищению – раз. По взрыву – два. По...

– Я ничего не взрывал! – испуганно возмутился Ы. – Это же ты сделал!

– Ага, как бы не так. А чья жена – труп? А чья квартира в эпицентре? А чьи отпечаточки на канистре?

– Так канистра же не уцелела!

– Еще как уцелела! – ухмыльнулся Майкл. – Я позаботился. И потом, неужели ты думаешь, что меня, при моем-то папочке, осмелятся обвинить в таком ужасном, таком нечеловеческом преступлении! Да у меня вообще на весь сегодняшний день стопроцентное алиби. Каждому свидетелю – по паре штук и... Сколько тебе нужно свидетелей, мышатина?

Мормышка Ы побледнел так, что это стало заметно даже сквозь его густую зимнюю шерсть. В первый момент он испугался, но, когда Майкл назвал его мышатиной, не на шутку взбесился.

– Да я тебя по стенке размажу со всеми потрохами! – с

перекосившимся от злости лицом прошептал Ы. – Никаких свидетелей не понадобится! Понял?

Майкл молча достал из кармана вторую за последние несколько часов пачку купюр и засунул Мормышке за воротник.

– Ты – бандит, – убежденно произнес Майкл. – Ты взорвал дом и украл ребенка. Но этот ребенок может принести тебе гору золота. Если, разумеется, ты будешь хорошим мальчиком и для начала не дашь ему простудиться. А все остальное я беру на себя. А если ты мне тут попробуешь права качать...

Теперь Майкл достал из кармана пальто небольшой предмет, размером с карандаш, в котором Ы с ужасом узнал микроволновую ручную пушку последней марки.

– Не буду! – с готовностью выпалил Мормышка.

Майкл медленно спрятал опасный карандаш обратно в карман.

– Не буду, просто потому, что хочу гору золота, – покорно сказал Мормышка. – Ну, чего ты! Мы ж с тобой со школы друзья... А кто этот пацан?

– Пока не знаю, – честно ответил Майкл Кэшлоу. – Но Новый год нам придется встречать тут. Сюда никого впускать нельзя. Я сейчас съезжу за едой. Сам. А ты давай действуй, и без глупостей.

Мормышка Ы послушно спустился вниз и отыскал комнату, которая служила гардеробной. С его точки зрения, она была больше похожа на склад дорогой, но устаревшей одеж-

ды. Провозившись никак не менее получаса, Ы наконец нашел вполне подходящий по размеру спортивный костюм. На переодевание гостя, все еще находившегося в бессознательном состоянии, также ушло немало времени. Мормышка неуклюже ворочал Дюшку с боку на бок, пытаясь натянуть на него сухую одежду. Что касается промокшей больничной пижамы, Ы ее просто выбросил. Наконец он управился. Снизу уже доносились разные вкусные запахи. Это было как нельзя кстати – последний раз Мормышка ел аж ранним утром.

Через пятнадцать минут приятели, утолив первый голод, перебрались в зеркальную гостиную, к телевизору побольше.

– Тут у нас все старое, сто лет не меняли, – объяснил Майкл. – Так что уж извини за отсутствие сервиса.

– Да ничего, ради дела можно и потерпеть! – снисходительно кивнул Мормышка, у которого просто глаза разбегались от непривычной роскоши, не говоря уже о том, что такого обилия деликатесов одновременно он вообще никогда не пробовал.

К моменту, когда часы начали бить двенадцать, Майкл обнаружил, что в хлам пьяный Мормышка Ы спит, сидя в кресле и не выпуская из рук очередной бутылки. «Вот же пьянь и ничтожество!» – поморщился Кэшлоу и налил себе соку.

– Ну что ж, с Новым годом! За меня, любимого! – торжественно произнес Майкл, чокаясь со своим изображением в зеркале. – И пусть у меня все будет наконец хорошо!

Когда Риз Шортэндлонг понял, что его лучший друг Дюшка Ключкин погиб, мир для него вовсе не померк. Ризенгри не проявил ровным счетом никаких эмоций, к великому сожалению ангелов! Если бы он забился в истерике или, наоборот, впал в ступор, потеряв всякий интерес к жизни, если бы с горя превратился обратно в самого себя, выбросив датчики, или принялся от безысходности мстить обидчикам – все это могло бы уложиться в одну из привычных для ангелов положительных моделей поведения. И они бы поняли, что Ризи – отличный парень, которого вполне можно при случае, через пару сотен жизней, принять в свои ряды. Если бы он равнодушно пожал плечами при виде обгорелых остатков дома или вовсе не поспешил бы на помощь Дюшке, это могло бы уложиться в одну из привычных для ангелов отрицательных моделей поведения. И они бы поняли, что Ризи – противный бесчувственный мутант, с которым лучше вообще не связываться. Но поведение Ризенгри не укладывалось решительно ни в какие модели: ни в положительные, ни в отрицательные, ни даже в промежуточные. Лучика над его головой не возникло, но характерного коричневого или серого купола злорадства – тоже. И красно-бурые всполохи, говорящие о желании отомстить, также не появились.

Он тупо тупил? Нет: активность мозга оставалась на обычном уровне. Может, шок? «Я вас умоляю, какой еще шок у мутанта-четверки!» – фыркнул Старк, ангел-эксперт. Из образа Дюшки Ризенгри не выходил. Истинные причины тако-

го поведения мальчика были неясны ангелам.

Ризи торчал в десяти шагах от пожарища, задумчиво уставившись в одну точку, когда рядом с ним возникла шепелявая, допотопная старушенция.

– Вот ведь страсти какие! – покачала головой старушенция и с любопытством оглядела Риза с ног до головы. – А ты небось в этом доме жил, мальчик?

– Не-а, – рассеянно ответил Риз. – У меня там друг погиб.

– Это плохо, – вздохнула бабка. – Ну, да какие твои годы. Один друг погиб, другой набежит. Не переживай!

– Да я и не переживаю, не умею, я же двой... то есть я немного умею, я ведь первый, во! – Ризи продемонстрировал знак муто на браслетке; браслетка, естественно, была Дюшкина.

Диди. Дюшка, конечно, был не мутантом, а обычным человеком. Но он был последним и единственным человеком на планете, а браслетки были универсальные, не рассчитанные на людей. Поэтому знак муто на браслетке Дюшки Плюшкина стоял – первый.

– Но я... хотел сказать, что переживать вообще неразумно, – продолжил Ризенгри. – А я... я просто думаю.

– О чем?

Вообще-то Ризи никогда не откровенничал с незнакомыми бабушками, еще чего не хватало! Но тут вдруг...

– О чем? О трех вещах. Первое – о том, что таких людей, как мой друг, на Земле больше не будет. Второе – о том, что друзья не набегают. Третье – о том, что я теперь один.

– Как я тебя понимаю! – закивала старушка. – Смерть – это всегда такая неожиданность. Был человек – и нету.

– Я думаю, вы не понимаете. Беда в том, что он теперь не просто есть, он – навсегда есть, – холодно пояснил Риз. – С ним случилось самое худшее из того, что вообще с ним могло произойти. Он еще до этого взрыва был приговорен к вечности.

Старушка молчала, уставившись на дымящиеся остатки пожарища. Но она внимательно слушала, и Ризи продолжал рассуждать вслух:

– Мой друг мог стать отличным мутантом и прожить замечательную жизнь, полную смысла. Он такие мозаики делал, что вообще. В тринадцать лет. Правда. Я обалдел, когда увидел. А теперь что его ждет? Бессмысленная вечность?

– Вечность – и бессмысленная? – переспросила старушка, близоруко щурясь на пепелище. – Ой ли...

– Вечность совершенно бессмысленна, – убежденно повторил Риз. – Стопудово. Пока тебе надо что-то успеть сделать, в этом есть смысл. А когда торопиться некуда... Я на роликах если всего три часа катаюсь – и то уже надоедает, сил нет. А тут – вечность! Это очень плохо! Что с ней делать? Ну, накатался, наигрался, мороженого наелся, фильмы все пересмотрел по сотне раз, дворец построил, детей вырастил,

химию с хрюканьем выучил и вообще стал полным совершенством, а потом что? Хоть на стенку лезь, хоть вешайся. И не повесишься ведь даже, и не утопишься. Разве что останется в чужие судьбы вмешиваться...

– Это ты так чувствуешь? – попыталась уточнить бабка.

– Это просто так есть! – пожал плечами Риз. – Конечно, вечность может стать отличной штукой, только с одним условием. Чтобы в ней не было никаких ангелов! Ни одного! Ни единого! Чтобы ни одна сволочь не решала за тебя, что тебе в этой вечности делать и в каком направлении двигаться. Но Дюшку ждет теперь другая вечность, которая хуже тюрьмы.

– Почему «хуже тюрьмы»? – оторопела старушка.

– Потому что! Потому что когда сидишь за решеткой, то ты вынужден жить по чужим правилам. Но ты точно знаешь, что где-то за пределами тюрьмы есть свобода, где ты можешь жить по своим правилам. А в Дюшкиной жизни теперь навсегда чужие правила.

Как только Риз отвернулся от назойливой старухи, она тотчас исчезла, превратившись в невидимого для земных существ ангела-эксперта. Разумеется, этого никто не заметил.

В этот момент группа преследования и защиты Ключкина из СУМАСОЙТИ (Секретного Управления Мутантами: Агрессорами, Сканерщиками, Особьяками, Йогиногами, Телепортаторами и Иммитаторами) наконец добралась до места назначения. Увидев объекта Клю в целостности и сохранности, руководитель группы вздохнул с облегчением. А «объ-

ект Ключ», увидев группу, тут же привел организм в стрессовое состояние, участив пульс и повысив уровень адреналина в крови. «Очень вовремя вспомнил!» – усмехнулся Дима Чахлык, энергичный темнокожий ангел, благодаря которому Риз Шортэндлонг так успешно провернул «коронный номер тысячелетия». Данные всех датчиков, вшитых ранее в Дюшку, а теперь находящихся в теле Ризенгри, принявшего облик друга, Дима полностью проверял, прежде чем направить в СОСИСку (самый секретный отдел секретного управления).

Диди. Помните? Дима Чахлык был ангелом-спутником последнего человека на Земле-11, Дюшки Ключкина, затем был понижен до ангела-хранителя, а чуть позже Старк вообще запретил Диме вмешиваться в жизнь его подопечного. Но Ризенгри Шортэндлонг интересовал ангелов только как любопытное явление природы. В его жизнь Диме и его другу, ангелу Рону Э-Ли-Ли-Доу, можно было вмешиваться сколько угодно.

Хм... Нечестно это как-то, да?

Ризенгри Шортэндлонг безропотно дал себя увезти с места происшествия. В машине его бережно усадили в кресло, пристегнули самыми надежными ремнями безопасности и поинтересовались, комфортно ли он себя чувствует. Ризи коротко кивнул. За всю остальную дорогу никто не произнес

ни единого слова.

Риза, вопреки его ожиданиям, не отвезли домой (домой к Дюшке Ключкину, разумеется). Объехав родной город стороной, машина доставила его прямехонько к заднему входу в Институт биофизики. Ризи прошел вслед за одним из сотрудников в какой-то уютный холл с аквариумами, в котором его встретил цветущего вида мутант в совершенно невообразимом парике и с жабрами, прикрытыми легким шейным платком.

– Меня зовут Фредерико Мене, – представился мутант. – Я рад сообщить тебе приятную новость. Мы создаем новую школу закрытого типа для особо одаренных детей. И ты принят в эту школу согласно результатам предварительных э-э-э... работ, проведенных нашими э-э-э... коллегами.

Мене подготовил целую речь на тот случай, если Дюшка Ключкин начнет возражать. Но Дюшка не стал возражать. Напротив, он с интересом осматривался по сторонам и вообще чувствовал себя как дома. Мене молчал. Ризи понял, что ему полагается как-то отреагировать.

– Ну, это здорово, – сказал он. – Школа закрытого типа... А я особо одаренный, потому что я – последний человек?

– А еще ты замечательно хрюкаешь! – почти искренне произнес Мене. – И хобби у тебя необычное. Ты знаешь, мы даже подумали, что ты можешь заняться своим любимым делом прямо в новой школе.

Ризенгри уже знал – дед был тому причиной, – что Дюшке

приготовили кучу камней для мозаики. Но в его планы вовсе не входило заниматься подобными глупостями! Он решил, что лучше не дать Менсу договорить опасную фразу до конца.

– Я решил поменять хобби! – заявил Риз. – Я буду заниматься спортом. Это и для здоровья полезнее. Я плавать люблю. То есть я хотел сказать, полюблю. И еще увлекусь чем-нибудь таким, необычным...

– Теннисом! – вдруг выпалил Мене. – Есть такой старинный вид спорта, очень любопытный. Нужно всего ничего – ракетки, сетка и мячик.

И они принялись обсуждать правила и особенности игры в теннис. Ризи задавал очень интересные вопросы и вообще вел разговор почти как взрослый. И Мене с удивлением подумал, что Дюшка больше не кажется ему недоразвитым олухом, каким виделся раньше. Словно и в самом деле мальчишку подменили. «Неужели он все-таки мутирует?» – мимоходом подумал Мене.

Тем временем все остальные сотрудники СОСИСки, собравшиеся в круглом зале института, активно обсуждали вопрос, можно ли отпустить объект Клю домой для встречи Нового года. В принципе все показатели были в норме, но, учитывая его неожиданный побег к месту взрыва, оставлять Ключкина без присмотра казалось опасным.

– Кстати, а для чего ты ездил на Мраморную улицу? – как можно более равнодушным тоном спросил Мене, когда во-

прос тенниса был исчерпан.

Все сотрудники, как один, превратились в слух.

– Сейчас реветь начнет! – шепотом предположил Джереми Лермонтов, вглядываясь в центральный экран.

– Ставлю сто против одного, что не начнет! – возразил Александр Пушкин, бросив взгляд на диаграмму гормонального фона Ключкина (диаграмму передавал датчик, установленный в районе сердца) и ритмы коры головного мозга (эти ритмы отслеживала круглая штукovina в Дюшкиной переносице).

Ризенгри Шортэндлонг раздумывал, что бы ответить. Наконец он произнес:

– Не знаю даже, как вам сказать. Это была такая глупость с моей стороны. Наверное, из-за подросткового возраста. Я так вам всем благодарен за то, что вы за мной приехали. Я больше так не буду, обещаю. Можно, я домой пойду? А то Новый год скоро, мама волнуется. И Тафика кормить надо. Как он там без меня, бедненький?

Ризенгри вспомнил о том, что он вообще-то не Ризенгри, а Дюшка, и срочно выпустил из левого глаза слезинку. А также немного участил сердцебиение.

– С тебя столик! – сказал Лермонтов Пушкину.

– Так он же не заревел!

– А слеза?

Мнения в круглом зале разделились. Одни посчитали, что выиграл Пушкин, другие горой стояли за Лермонтова. В

конце концов сошлись на том, что Пушкин должен выплатить половину суммы, а Лермонтов – угостить на эти деньги всех присутствующих шампиньонским. Пока они спорили, Фредерико и Тафанаил дружно решили, что объект Клю может быть благополучно доставлен домой для встречи Нового года. Мене лично вызвался проводить его до дому. Господин Казбеков не возражал.

Ризи и Фредерико вышли из института, когда было уже темно. На севере рано темнеет. До Нового года оставалось совсем немного, несколько часов.

– Я рад, что ты оказался не такой, каким я тебя представлял вначале, – сказал Мене. – И еще хорошо, что ты решил заняться своим здоровьем. Люди – я имею в виду настоящих людей – такие слабые существа...

Если бы Риз был человеком, ему наверняка стало бы обидно за умершего Дюшку. Но Ризи не был человеком. И взбеленился он просто оттого, что слова Фредерико Менса показались ему невероятно несправедливыми. Он никогда не считал Клюшкина слабым существом! Если человек не может прыгнуть со второго этажа и чувствует боль – это еще не значит, что он слабое существо! Разве может его друг, друг супермутанта, быть слабаком? Да никогда!

– Люди – слабые существа? Это я, Дюшка Клюшкин, слабое существо??? Да вы что!!! Да Дюшка в сто раз лучше вас всех, вместе взятых!

– Сам себя не похвалишь... – пробормотал Мене.

Он опять стал разочаровываться в Ключкине. Такое сомнение на голом месте...

– А хотите, я вам докажу, что я способен на такое... На такое... На все способен! Давайте проведем эксперимент. Вы же берете меня в институт для экспериментов, верно? Вот и проведем эксперимент на то, что я по всем параметрам лучше всех остальных учеников. И по уму, и по характеру, и по выносливости...

Мене усмехнулся. Ризенгри понял, что его слова выглядят смешно на фоне кучи записей с Дюшкиными рыданиями в ванной и у компьютера.

– Хорошо, – сказал Ризенгри. – Тогда делаем так. Вы знаете, что моя жизнь застрахована на астрономическую сумму. В случае чего, как мой опекун, вы можете получить знаете сколько...

– Но я же не твой опекун! – перебил его Мене.

– Но вы же можете им стать! – парировал Риз. – Родители не могут оберегать меня, пока я в школе, а вы можете. Заодно проверите, какие нагрузки может выдержать обыкновенный человек по сравнению с обыкновенными мутантами! Вы же сами всю жизнь считали, что люди лучше мутантов.

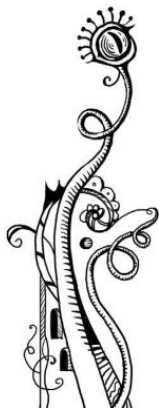
– Откуда ты это знаешь? – поразился Мене.

– Да вы же сами мне час назад сказали!

– Да, действительно! – Мене задумчиво почесал жабры, после чего тщательно поправил кашне и произнес: – Провести такой эксперимент – это хорошо. Если он получится,

то весь мир сможет убедиться в том, что я прав в попытках возродить людской род. А о страховке я, признаться, не подумал. Правда, придется поделиться с Тафанаилом... Ты не против, если у тебя будут два опекуна, малыш?

Риз был не против. В его жизни появилась новая увлекательная игра, и это было здорово.

Глава 2

Новый, двести пятьдесят шестой

Все смешалось в доме Клюшкиных перед встречей Нового, двести пятьдесят шестого года по обновленному мутантскому календарю! Впервые было решено встречать Новый год всей семьей, вместе с бабой Никой и дедом Славиком Тихоновичем, большим оригиналом и выдумщиком.

– Всем привет! – жизнерадостно завопил дедушка. – В этом году Новый год справляем по старинке. Как двести лет назад, когда я был еще маленьким.

– Ага! – согласились все, особенно бабушка Ника.

Баба Ника была матерью отца Дюшки, а Славик Тихонович являлся Дюшкиным дедом по материнской линии, так что в кровном родстве они не состояли, но схожие воспоми-

нения о безвозвратно ушедшем прошлом роднили их сильнее, чем общая кровь. На самом деле Славику было всего семьдесят восемь лет, а никакие не двести. А выглядел он молодцом: лет на сорок – пятьдесят максимум. Бабе Нике через месяц должно было стукнуть шестьдесят девять, она тоже была бодра и свежа, но это неудивительно: все коренящиеся мутанты на Земле-11 жили дольше парящих, пурящих, первых и синеухих.

– Во-первых, нам позарез понадобится елка! – заявил дед, бросая свои многочисленные баулы и сумки на пол. – Живая или даже лучше, чем живая. Настоящая. Зеленая. Пушистая и колючая. Мы ее срубим!

– Ага! – дружно кивнули Плюшкины, и папа полез в подвал доставать настоящий старинный топор на мини-аккумуляторе.

В дежурном отделении СОСИСки тут же возникло напряжение. Сотрудники института еще не забыли неадекватную реакцию объекта Клю на историю о елочках, рассказанную ему бабой Никой несколько лет назад. Но на этот раз все почему-то обошлось.

– Чур елку рублю я! – забил Дюшка прежде, чем его сестренки-близняшки успели сообразить, в чем дело.

– Ну, Дюшка, почему опять ты?! – хором запротестовали близняшки.

– Потому что я – последний настоящий человек на Земле! – гордо заявил Риз Шортэндлонг, глядя на них сверху

вниз. – Меня надо любить и беречь. И вы должны мне во всем уступать.

Сестры не нашли, что возразить, и попросту бросились на Дюшку с кулаками, но дедушка быстро угомонил их, сообщив, что тот, кто будет плохо себя вести и нарушать порядок, встретит Новый год в чулане. Ризенгри внимательно смотрел на деда с момента его появления. Но на этот раз Славик был Славиком, а не тем таинственным кем-то, с которым у Риза недавно состоялся весьма интересный разговор. «Ну и ладно! – подумал Ризи, следя за ним потихоньку. – Все равно Дюшки больше нет. Значит, проехали». В этот момент появился папа с топором, и все поехали в супермаркет за «лучше-чем-живой» пластиковой елкой.

Нет, не все поехали. Баба Ника осталась резать салатки, а дед Славик внезапно вспомнил, что отправил поздравлялки не всем друзьям.

Каких только елок не было в супермаркете! Марте больше всего понравилась оранжевая с запахом апельсина, Апреле – маленькая, стреляющая конфетами, а маме – обыкновенная самонадувающаяся. Но папа был тверд – елка, которую Ключкины в конце концов купили, была такая, какую хотел дедушка: зеленая, пушистая, колючая, с хвойным наполнителем и компьютерной системой защиты.

Рубил ее, разумеется, Риз. Он замахнулся топором на продавщицу и предложил ей завернуть покупку в самую нарядную бумагу.

– Какой милый у вас мальчуган! – расплылась в улыбке продавщица, выбирая бумагу. – Такой непосредственный!

Дюшкины родители раздулись от гордости за своего сына, а Марта с Апрельей решили во что бы то ни стало отомстить этому выскочке в ближайшее же время.

– Не пойдет! – вздохнул дедушка, когда увидел покупку. – Ненатуральная елка! Двести лет назад елки были куда натуральнее и живее... Какие будут предложения?

Все молчали и смотрели друг на друга.

– Ладно! – вдруг решительно сказала баба Ника. – Так и быть! Я буду елкой!

И она стала елкой. Точно такой, какие были двести лет назад. Бабе Нике несложно было прикинуться почти настоящей елкой – ведь она была мутанткой, способной укореняться.

– Молодец, Вероничка! – прослезился дедушка искомандовал: – Теперь бабу Нику, то есть елку, нужно украсить. На подол – бусы, к поясу – хлопушки, на верхушку, то есть на макушку, – звезду.

– Ага, – сказали остальные и начали украшать бабушку.

Мама покорно пошла за своими бусами и браслетами. Марта взяла детский пилотируемый акваланг и понеслась в бассейн за морскими звездами для верхушки. Апрелья побежала в тир за динамитом для хлопушек. А Дюшка, то есть Ризи, притащил Рыжего Тафанаила, чтобы нарядить его Снегурочкой.

– Ненатуральные бусы! – заявил дедушка, критически осмотрев украшенную елку. – И звезда какая-то странная! Двести лет назад...

– Зато хлопушки самые что ни на есть! – перебили его все, кроме бабы Ники, потому что баба Ника, не выходя из образа елки, как-то странно молчала, недоверчиво косясь на динамитные хлопушки. – Можно Новый год встречать!

– Встречать Новый год!?! – закричал дедушка. – А часы?! Срочно нужны часы с кукушкой. На Новый год они должны бить ровно двенадцать раз.

– Кого бить? – испугалась мама.

– И что такое «кукушка»? – спросили сестренки, набирая номер межпланетной торговой федерации «Не долетишь – не продашь». (Ехать еще раз в магазин уже просто не было времени.)

Через полчаса Ключкиным вместо часов с кукушкой доставили замечательный барометр с живым ученым попугаем на солнечных батарейках. Попугай предсказывал погоду на трех языках, а барометр телепатически подсказывал попугаю, что ему предсказывать. Дедушке попугай не понравился.

– Совершенно ненатуральный попугай! – сказал он. – В мое время попугаи работали от зерна, каши и водички. И потом, все-таки нужна кукушка, а не это чучело... Что будем делать?

Все молчали. Мама мужественно сказала:

– Ну, я могу попробовать немного побыть кукушкой. Если, конечно, это так необходимо...

– Необходимо! – закричали сестренки.

И мама стала кукушкой. Такой, какие двести лет назад жили во всех часах. Мама залезла на стул около елки, сложила губы клювиком и откашлялась, приготовившись куковать, когда понадобится.

– Теперь надо выбрать Деда Мороза и Снегурочку! – сказал дедушка и посмотрел на Тафанаила, на которого Риз успел нацепить вырезанный из блестящей бумаги кокошник.

Тафанаил отчаянно мяукал и пытался сорвать с головы корону. И вообще, он совершенно не походил на девушку. Тем не менее Снегурочку дедушка утвердил, что называется, в первом чтении. А вот по поводу Деда Мороза возникли дебаты. Славик Тихонович считал, что Дедом Морозом должен быть папа. Папа считал, что Дедом Морозом может быть только Славик Тихонович. Близняшки убеждали всех, что они вдвоем – это самое то, что надо.

– Дедом Морозом буду я! – перебил их Ризи.

– Почему опять ты?!

– Потому что это мой последний Новый год дома! – трагически заявил Ризенгри. – Меня приняли в школу для особо одаренных. Следовательно, вы должны мне уступить.

И Ризенгри стал Дедом Морозом, а сестренкам пришлось довольствоваться ролями зайчиков, за которыми охотился серый волк – папа. Но злому волку помешал добрый джедай

дедушка, и все обошлось. Никогда еще Новый год в семье Клюшкиных не проходил так весело! Это был такой замечательный Новый год, каких просто так не бывает. Баба Ника зажглась и мигала, мама радостно кричала «Ку-ку, с Новым годом!», сестренки носились по потолку как угорелые, а Дед Мороз Ризенгри, ухватив Снегурочку-Тафанаила поперек живота, желал всем нового счастья и новых радостей.

Единственное, что вызывало у Ризенгри беспокойство, черная невидимая ниточка, связывающая его с исчезнувшей без следа Варей Ворониной. У Ризи было странное ощущение, словно ее с того конца медленно, но верно тянут. Он казался себе мутантом-пауком, но это сравнение было неточное. Ведь паук сам производит свою паутину, из себя. А эта нить как бы тянулась из пустого пространства, находящегося внутри, между печенкой и селезенкой.

У Ризенгри даже возникло желание вывернуть наружу парочку своих внутренностей и рассмотреть это явление природы со всех сторон. Но он отлично понимал, что, пока в нем находятся Дюшкины датчики, сделать это невозможно.

Остальные Клюшкины никакой нити не видели, и вчера в институте этот Мене, будущий его опекун, тоже ничего не заметил, хоть и крутой мутант, сразу видно. Но стоило Ризи успокоиться насчет сохранения очередной своей тайны, случилось непредвиденное. Нить внезапно задел котенок, Рыжий Тафанаил. Когтем. Зацепил и вытянул. И попробовал покусать.

– Ха-ха, во дурной котэ, воздух кусает! – расхохоталась Муська.

– Ха-ха, – поддакнул Ризи. – Ха-ха.

А Тафик уже не просто вытянул кусочек, а еще и на себя намотал. «Что же теперь будет?» – напряженно подумал Ризенгри. Но ничего особенного не произошло. То ли котенок отмотался, то ли загадочная нить обладала способностью делиться, – Тафик поиграл-поиграл «с воздухом» и убежал. А нитка из Ризенгри продолжала медленно тянуться в неведомом направлении.

Празднование продолжалось. В ожидании нашествия елочек из парка все принялись рассматривать подарки.

Настоящий Дюшка Ключкин подготовил всем сюрпризы задолго до праздника. Он собственноручно упаковал каждый сувенир и спрятал все в доме деда. Ризи забрал свертки, но не успел в них заглянуть. Он не знал, что в них находится. Только теперь выяснилось, что заботливый Дюшка купил или смастерил сам для каждого именно то, что тому больше всего не хватало.

Дюшка угодил всем. Сестренкам он приготовил одинаковые кукольные наборы, – чтобы не передрались и не поссорились. Для бабы Ники вырезал из огнеупорного пенопласта нарядную емкость для хранения корешков. Папе достался модный пуловер с маминым портретом. «Такое надо было за месяц заказать, заранее!» – подумал Риз, разглядывая пуловер. Мама получила в подарок шкатулку для украшений,

инкрустированную драгоценными камнями. В шкатулке лежала открытка, в которой было написано: «Дорогая мамочка! Поздравляю тебя с Новым годом! Эту шкатулку я сделал сам. Это моя первая работа с натуральными алмазами. Надеюсь, что она тебе понравится. Твой сын Дюшка». Шкатулка действительно была очень даже прилично сделана.

Мама пришла в неопиcуемый восторг, а Ризенгри с тоской подумал, что ему, похоже, будет гораздо сложнее прикидываться Дюшкой, чем он ожидал. Хотя теперь, когда Дюшки уже нет на свете, можно и не прикидываться. Что ему, умеющему мгновенно менять внешность и проходить сквозь стенки, стоит повернуться и уйти? Но возвращаться к своим настоящим родителям Ризу почему-то не хотелось. А больше ему идти было некуда.

В эту минуту Ризенгри больше чем когда бы то ни было завидовал своему другу. И меньше чем когда бы то ни было мог признаться себе в этом. Он завидовал тем крохотным осколкам – нет, не любви, потому что мутанты по определению не умеют любить друг друга, – хорошего отношения и признательности, которые доставались Дюшке от близких в ответ на его, Дюшкину, к ним любовь. Супермутант Риз Шортэндлонг был умен, развит, внимателен и даже по-своему чуток. Тем не менее он был совершенно не в состоянии понять, что же ему нужно в жизни, чего не хватало из того, что он получил, заменив Дюшку.

Однако самый большой сюрприз – и приятный, и неожиданный –

данный – ждал Ризенгри впереди. Оказалось, что среди свертков, принесенных им от деда, были подарки не только для членов семьи. Дюшка не забыл про Варю, соседей, любимую учительницу. На самом маленьком пакетике значилось: «Для Веньки Бесова». Риз взял в руки свой подарок и принялся его разворачивать.

– Ты что, Бесу его не будешь дарить? – с удивлением спросила Апреля, наблюдая за его действиями.

Риз остановился.

– Почему не буду? Буду Просто Венька уехал в Скортландию. Так что придется ему подарок почтой послать. Я его по-другому заверну и пошлю.

– А что там?

– А вот не скажу!

Ризи повернулся и побежал наверх, в комнату Дюшки. Ему не терпелось развернуть свой подарок. Но, добежав, он вспомнил о существовании в комнате следящих камер и повернул обратно.

Ризи заперся в туалете на первом этаже и внимательно огляделся. Вроде бы объективы ниоткуда не торчали. Он развернул сверток. На маленьком плотном куске картона был неумело нарисован портрет юной белокурой девушки. Портрет был не очень хороший и нарисован был не на компьютере, а карандашом, не слишком чисто и даже не особо талантливо. Около носа особенно были заметны следы многочисленных исправлений. Да и вообще нос Дюшке не удался.

И левый глаз на портрете был немного больше правого. Тем не менее в девушке на портрете Ризенгри Шортэндлонг безошибочно узнал свою сестру Джен. Этого не могло быть. Но это было именно так.

Ризи рассматривал портрет, присев на корточки. Вдруг ему показалось, что он не один. Ризенгри медленно поднял глаза и замер от изумления.

На краешке серого в синюю полосу унитаза сидел Славик Тихонович. Собственной персоной.

– Здравствуй, Ризи! – произнес, не разжимая губ, Славик Тихонович.

Слова эти раздались у Ризенгри непосредственно в голове, минуя уши.

– Я не успел, – ответил Риз, опуская портрет на пол. – Я хотел его спасти. Но вы меня опередили. Зря вы его убили... Он теперь – ангел, да?

– Нет, – ответил дед. – Он не ангел. По крайней мере, пока.

– Но он счастлив?

– В данный момент – ни капельки.

– Я так и думал, – едва заметно скривился Риз. – Я не знаю, кто вы на самом деле. Но лучше бы вы не вмешивались. Я бы помог ему залезть в этот реактор, и он бы стал мутантом, как все.

Тот, кто прикидывался Славиком Тихоновичем, пропустил реплику Риза мимо ушей и спросил:

– Если я не ошибаюсь, ты собираешься доказать, что возможности обычного человека буквально безграничны?

– Да. Я это ради Дюшки делаю! Почему они думают, что он ни на что не способен, только реветь и котенка гладить?

– Но Дюшка действительно смог бы очень немного. У него был слабый тип нервной системы, крайне низкая выносливость, да и умственные способности, прямо скажем, очень средние. Даже не для мутанта, а для обыкновенного человека...

– Какого мутолешего вы отзываетесь так о моем друге! – взорвался Риз. – К тому же мертвом! Откуда вам знать, что бы он смог, а что – нет? Я докажу, что он все бы смог. Докажу!

– Хорошо, – согласился дед. – Доказывай.

Он поднял ладони и провел несколько раз вдоль тела Риза, перебирая длинными загорелыми пальцами.

– Только что я лишил тебя всех твоих былых способностей. Теперь ты – обычный человек. С физиологией и возможностями твоего друга Дюшки Ключкина. Под копирку. С маленькой разницей. У Дюшки был ангел-спутник, хоть он об этом и не догадывался. А у тебя его не будет. Доказывай все, что захочешь. Вперед и с песней.

И дед тут же исчез. Ризи понял, что произошло, только через несколько секунд. Он попробовал сунуть пальцы сквозь раковину – и наткнулся на твердую гладкую поверхность. Кроме того, он почувствовал, что ему неприятно си-

деть на полу, да и нога почему-то... затекла. Покалывает и не ощущается – как-то раз Клюшкин объяснял ему, что такое «затекла». Это были неправильные чувства, чужие, плохие, неправильные, неправильные, неправильные!!!

– Вы не имели права этого делать! – заорал Ризи, со всей дури молотя кулаками о раковину. – Уроды! Сволочи! Я вас всех ненавижу! Ненавижу! Эй, дед! Дед! Ты, Славик, или как тебя там! Вернись сейчас же, ты! Я башку тебе откручу, твою поганую башку, слышишь!

Но вместо исчезнувшего «деда» на буйство внука в ванную ворвался, выломав замок, Дюшкин настоящий дед в сопровождении мамы, папы, бабы Ники и двух сестренки, маячивших позади всех.

– Я убью его! – вопил Ризенгри, круша все вокруг себя и в ярости сметая на пол многочисленные флакончики и тюбики с мыльницами.

– Дюшка, Дюшка, внучек! – бормотал Славик Тихонович, пытаясь поймать внука. – Не надо никого убивать. Ну, будет тебе, ну, что ж ты, ну, успокойся!

Риз вырвался из туалета и принялся носиться по дому, вопя и неся всякий бред. Родные бегали за ним гуськом и не знали, что предпринять. Раньше Дюшка часто плакал, – бывало, – но чтобы с ним случалась такая буйная истерика!

Дежурные операторы СОСИСки дружно выли от злости, наблюдая эту картину, и каждый из них втайне жалел о том,

что выбрал себе такую дерьмовую работу. Это ж надо – подарочек на Новый год! Только расслабились на рабочем месте и вот...

– Суслик! Жирный суслик!

– Муточерт знает что...

Объект Клю в кровь разбил костяшки пальцев на левой руке, отфутболил объект Мяу, запустил феном в родного деда, наорал на отца. Уровень ПИ был превышен вдвое...

Диди. У обычных людей (и у Дюижи тоже) уровень эмоций в норме может значительно превышать число пи, доходя до ста ПИ и более. Что же касается уровня ДЕЛЬТА, то есть способности сопереживать и сочувствовать, тут все сложнее.

Мутанты СОСИСки (самого секретного отдела СУМА-СОЙТИ), хоть и наблюдали за Дюшкой с момента его рождения, были не в курсе реальных колебаний уровней ПИ и ДЕЛЬТА «объекта Клю», поскольку видели на мониторах потихоньку откорректированные ангелами данные.

– Звонить Тафанаилу? – робко предложил оператор, который был помладше.

– А ты знаешь, что нам будет за это пиршество? – Старший мотнул подбородком в сторону по-новогоднему украшенного столика с остатками закуски.

– Успеем же убрать, – неуверенно проямлил младший. –

Смотри там че...

– Ну не зна-а-а... – Старший перевел взгляд на экраны.

На правом экране (гостиная) елка-бабушка успокаивала зайчиков-внучек. Она все еще не сняла с себя бусы и морскую звезду, но корешки втянула в ступни, а получившиеся в результате трансформации ноги сунула в домашние клетчатые тапки. Девочки сидели смиренно, не стрелялись паутинками, не отрывали друг дружке пальцы. Эта троица сейчас напоминала самых обычных людей.

На левом экране (кухня) Славик Тихонович смазывал желтенкой ссадину на виске – для ускорения регенерации тканей. Рядом на столе лежал треснувший фен. А ведь в рекламе ввали, что противоударный!

Центральный экран передавал летящие в стены учебники и тетрадки – Ключкин добрался до своего стола и бесновался на втором этаже дома.

Экран, передающий картинку непосредственно из левого глаза Рыжего Тафанаила, демонстрировал кусок пыльного пространства под ключкинской кроватью и часто становился черным – вероятно, котенок моргал от страха, забившись в укромный уголок.

– Убирай со стола, – решил старший оператор. – И я звоню директору.

Его напарник лихорадочно бросился сгребать в пакет одноразовую хрустальную посуду.

Внезапно Ключкин-младший успокоился. Он погрыз в

задумчивости ноготь, а затем поднял перекошенное от зло-сти лицо прямо в одну из камер и прошипел:

– Ладно, дед. Ладно. Мы еще посмотрим, на что я спосо-бен.

– Псих, – выдохнул старший оператор. – Просто псих. Но зато, кажется, обошлось. Доставай еду обратно.

– Какое счастье, что я – мутант, – покачал головой млад-ший. – Не дай мутобог вот так жить! Огурчики будешь?

– И помидорчики тоже.

Всю оставшуюся ночь Ризенгри Шортэндлонг лежал на животе, повернув голову влево (любимая поза Дюшки теперь казалась ему очень удобной) и безуспешно пытался справиться с не желающим его отпускать бешенством. На руках остались синяки от ударов по раковине и другим предметам. Голова словно взрывалась. Это ведь боль, да? Живот мерзко урчал. Затылком Риз чувствовал, как из форточки против-но несло холодом. Это ведь холод, да? Теперь он почувство-вал, что такое боль и холод. Хотя, может, это обида и ветер. Или слабая регенерация и повышенная чувствительность к атмосферным потокам. Кто их разберет, эти человеческие заморочки! Но вот в чем Ризи не сомневался, так это в том, что такое страх. Ему было страшно жить дальше; да, види-мо, страшно, именно так. Его тело – тело Дюшки – хорошо понимало, что ему, скорее всего, ни с чем не справиться. Но его голова – голова Риза – знала, что он должен выиграть, несмотря ни на что.

Глава 3

Дельта-функция

Для нас, примитивных трехмерных существ, любая дорога, будь то скоростное шоссе или заросшая лесная тропка, – это всегда что-то вроде ленты, ведущей из пункта А в пункт Б. Конечно, пунктов по пути может встречаться сколько угодно, да и самой ленте-дороге вовсе не обязательно начинаться в пресловутом пункте А, из которого мы вышли. Но все-таки, согласитесь, при слове «дорога» у нас у всех возникают примерно одинаковые ассоциации: тесьма, веревка, полотно, возможно даже рулон туалетной бумаги. А вот, например, на клавиатуру компа, газовую горелку или стиральный порошок дорога не похожа, это и дошкольнику ясно.

Но дошкольники могут и ошибаться.

Мебби Клейн был абсолютно уверен в том, что гипотетический дошкольник в данном случае ошибается. Дорога, по которой шел Мебби Клейн, меньше всего напоминала ленту и больше всего – именно стиральный порошок, причем не в пакете, а... рассыпанный хаотично. Крупинки дороги-порошка как бы зависли в пространстве на расстоянии друг от друга. Тем не менее они представляли собой некую целостную структуру, по которой, безусловно, можно было передвигаться. Мебби-Янанна-Варя-Клейн (возможно, это имя следовало бы в данном случае писать слитно?) шел (шли? шла?) по этой гм... по этой порошковой штуке, причем ни в какой момент времени нельзя было точно сказать, в какой именно точке он находился.

Но какие точки Мебби Клейн покинул, сказать можно было запросто. Как стиральный порошок разбухает и пузырится при попадании на него воды, так и этапы пути, пройденные Мебби Клейном, начинали расти, превращаясь в шарообразные, проникающие друг в друга образования. Внутри этих шаров угадывалась невидимая черная нить, прочная и упругая.

– Суслик!!! – заорала вдруг Янанна. – Три тысячи откормленных противных сусликов, стоп!

Варя разинула от удивления одновременно и рот, и клюв.

– Стоп! Приехали. Нить заело.

Они по-прежнему крепко держались за руки, однако это был уже не Мебби Клейн, а просто Варя и просто Янанна –

во всяком случае, Варя Воронина решила, что дела обстоят именно так.

– Ты ошибаешься, но это сейчас не важно! – вздохнула Янанна. – Я бы выразилась так: мы уже не совсем одно целое, однако пока наше дело не завершено и сокращалка не проложена, я – Мебби Янанна, ты – Варя Клейн. А вместе – все-таки именно Мебби Клейн, и никто другой.

Щуплая двуротая инопланетянка тщетно пыталась продолжить вытягивать ниточку или хотя бы понять, что случилось. На обрыв не похоже, значит, не катастрофа, значит, еще есть шанс.

– А почему не наоборот? – полюбопытствовала Варя. – Мебби Варя и Янанна Клейн?

Почему-то ее не очень волновала остановка. Даже наоборот, хорошо немного передохнуть, а то так все однообразно...

– Ну, ты не можешь быть Мебби, поскольку не являешься инженером... – Янанна была расстроена, растеряна, пыталась сосредоточиться на другом, на главном. Кажется, на том конце появилось что-то маленькое и пушистое, вроде котенка. Но котенок не был суперсуществом, и нить из него не тянулась. А основная ниточка, из Ризи, утратила эластичность.

– Э-э-э... Ы-ы-у-а... А при чем...

– Да, нить заклинило прочно, придется задержаться... – Янанна вздохнула и наконец переключилась на Варю. – Инфилоперы бывают трех типов: дизайнеры, инженеры и стро-

ители. Это условные названия, но суть отражают. Ты – немного дизайнер и немного строитель.

– А вы?

– Я полноценный инженер и хорошо обученный строитель.

– Хм... А Дюшка?

– Твой Дюшка, если только он инфилопер, – дизайнер, прирожденный дизайнер. Но точно утверждать не могу, как ты понимаешь. А вот Ризи, вполне возможно, универсал.

– Кто? Какой Ризи? Ах да, это же настоящее имя Веньки Бесова. Никак не привыкну.

Варе хотелось домой, под душ, переодеться, отоспаться, позвонить Дюшке, початиться с подружками, в конце концов, узнать, что задано на завтра...

– На завтра твоим подружкам ничего не задано, – сбила ее с мысли Янанна. – Завтра на вашей Земле-11 – второй день Нового года. Пообщаться с друзьями тоже не получится, видишь, мы даже упрощенную сокращалку пока не можем соорудить. А вот переодеться и отоспаться...

Они переместились в некое просторное помещение, заполненное разнообразными няшными предметами. Кресла, диванчики, экранчики, мягкие игрушки, столики с вазочками, а в вазочках вкусняшки, зеленый светящийся куб не вполне понятного назначения. Два окна справа, за ними зелень, – садик, что ли? Четыре огромных окна по дальней стороне, за ними...

– Океан?!

– Море. Залив Старых Привычек. Ты же хотела комнату с видом на море, разве нет?

Варе показалось, что одно из дальних окон – дверь, за ним должна быть такая полувинтовая лестница, ведущая к берегу. Она двинулась через комнату.

– Лестница находится этажом ниже, – подсказала Янанна. – Твои лофт-апартаменты небольшие, два этажа, четыре комнаты, семь сокращалок, спальня, кухня. Душ-ванна – там, переодевалка – там. Так, вроде все сказала... Ну, отдохай.

Оставшись в одиночестве, Варя опустилась на теплый светло-зеленый ковер, покрывающий значительную часть пола возле окон на море, подмяла под себя случившуюся рядом плюшевую панду в вишневой накидке, закрыла глаза и немедленно уснула.

Янанна честно попыталась оградить Варю от всех проблем, связанных со строительством черной сокращалки, и создать «милому клювастому младенчику» все условия для адаптации в новом мире. Девушке и так досталось по полной: только влюбилась – и исчезла; домой не вернуться, с друзьями не поболтать... О том, что ее любимого Дюшку ангелы заберут к себе, и поэтому им никогда не суждено увидеться, Янанна Варе не говорила. Рано или поздно Варя узнает об этом, а пока...

Но какая удача – эта нить! Невероятная удача! Если бы только удалось ее дотянуть, закрепить, усилить, проскользнуть по ней на Землю-11, закрепить там, объяснить все этому классному супермутанту со смешным именем Ризенгри... Это здорово, что Ризи не подходит ангелам...

Часы справа показывали ровно два, часы слева – пятнадцать минут одиннадцатого. В любом случае времени у Янанны было навалом.

Варя спала в обнимку с плюшевой пандой довольно долго. По ее расчетам, уже должна была наступить ночь, по крайней мере, вечер. Но за окнами, выходящими на море, было по-прежнему солнечно. Варя механически бросила взгляд на браслетку и тут же поняла, что экран показывает время Земли-11, не имеющее к окружающей реальности ни малейшего отношения. Новых сообщений и пропущенных звонков, разумеется, не было. Кнопка мутно привычно светила цифрой два, метеодатчики также работали исправно. Впрочем, метеодатчики нужны только единичкам, для контроля, а Варя и без них отлично справлялась. Который час все-таки? И еще хорошо бы найти глобус этой планеты, а еще узнать, куда ее занесло, в какое созвездие...

Варя покрутила тяжелой головой, разминая шею. У нее ничего не болело, и, кажется, она вполне выспалась. Но что-то было не так. Не так, как обычно. Прямо совсем не так, внутри не так.

Вообще-то было неплохо. И даже очень хорошо было. Но как-то странно-хорошо, непривычно.

– Ладно, это ничего, это понятно, – прошептала Варя панде. – Так, не так... Меня ж в другой мир перетащило. Вот и не так. Ничего. Зато жива.

– Жи-ва, – радостно согласилась панда, хлопая ресницами.

– Бя! Говорилка попалась! – Варя немедленно отложила игрушку в сторону. Ей никогда не нравились интерактивные гаджеты, особенно те, которые ходят за тобой, как хвостик, и поскуливают.

Панда послушно умолкла и ходить за Варей не стала. А Варя как раз стала ходить. По комнате. И все спокойно рассматривать.

Комната была большая, почти как зал. Только от слова *зал* веет чем-то холодным, а тут было тепло и очень уютно. Варя задумчиво обошла вокруг большого зеленого куба. Казалось, он сделан из желе, казалось, висит в воздухе. Но если притронуться – Варя легонько коснулась грани указательным пальцем – твердый. Пахнет... эвкалиптом? И стоит на прозрачных тонких ножках. Не висит, никакой мистики. И словно светится изнутри... На самом деле куб не светился, просто на него падал косой поток желтооранжевых солнечных лучей – часть крыши представляла собой стеклянный купол.

– Красиво... – прошептала Варя, задирая голову. – Инте-

ресно, он открывается?

Словно в ответ на ее вопрос, купол, вращаясь, открылся. Поток желтого света стал ярче, мощнее. Плавно кружась, сквозь отверстие в потолке к ногам Вари упал жухлый бурый лист.

– Осень... Значит, сейчас осень... – пробормотала Варя, подбирая лист. – Надо бы закрыть купол, а то вдруг дождь пойдет.

Купол медленно закрылся. Механически крутя листик в руках, Варя продолжила экскурсию по комнате. За двумя окнами в правой части гостиной было зелено. Зелень оказалась молоденькая, свеженькая. Одно деревце, похожее на дикую яблоньку, цвело нежным розоватым облаком. Варя на всякий случай поплотнее закрыла оба окошка и проверила защелки: если яблонька дикая, может и кусануть невзначай. Или выкопаться из земли, влезть в комнату и придушить во сне ветками. Что-то подсказывало Варе, что ее опасения совершенно напрасны, что кусачими яблони бывают только на Земле-11, но... Но лучше не рисковать лишний раз, верно?

Варя подошла к окнам, выходящим на море. Легкий бриз превратил почти прозрачные занавески в гигантских медуз, их края, словно щупальца, скользили по колоннам, украшающим эту часть комнаты. Было здорово, как... как музыка. Варе показалось, что она действительно слышит музыку. Она высунулась в окно, опершись на широкий подоконник. Музыка не было. Была жара.

– Ух ты, а тут лето! – обрадовалась Варя. – И пляж внизу! Надо бы искупаться. Но сначала, конечно, привести себя в порядок. Где там у нас душ с переодевалкой?

Душ нашелся сразу. Один. А ванн внезапно оказалось аж три. То есть это была вроде как одна ванна, но из трех секций, как-то так. И огромное количество замысловатых приспособлений, трубочек, рычажков и шариков, помимо нескольких кранов к каждой секции. Инструкций к этому всему безумию не было, поэтому Варя решила ограничиться душем. Мудрое решение, только... Только вот у душа не оказалось ни одного крана, ни единого рычажка и ни намека на пульт управления.

– Эммм...

Внезапно Варя поняла, что надо делать. Как поняла – неведомо. Словно с детства знала все, что необходимо, потом забыла, а сейчас опять вспомнила. Она поводила руками в воздухе, совершая странные пассы, пощелкала пальцами и хлопнула в ладоши. Все получилось.

Диди. Управление душем с Земли-29 (а у Янанны был именно такой душ) очень простое, воздушно-сенсорное. Поворачиваем руки ладошками вверх. Прислушиваемся к ощущениям. Если нужно погорячее, поднимаем ладони вверх, попрохладнее – опускаем вниз. Боковыми движениями ладоней можно задать направление струек душа, их силу и толщину, составив собственную программу. Щелчок пальцами –

порция геля-аэрозоля; так же пальцами можно показать, на какие места на теле он должен попасть. Движением пальцев (словно струны арфы перебираешь) можно задать требуемый аромат и прочие детали. Ну а хлопок – сигнал к старту. Все просто и удобно.

Стоять под горячим душем было ужасно приятно, но Варю не покидало ощущение, что что-то все-таки не так. Как она догадалась, как надо управлять этими потоками воды? Откуда ей вдруг известно, что мятный гель с легкой лимонной ноткой – это перебор указательным пальцем и мизинчиком, а чтобы добавить масло джубы-джу, необходимо согнуть шестой палец и... Что такое джуба-джу? Ах да, это такой корень, мясистый. Но откуда он в ее голове? И у нее же нет шестого пальца!!!

Варя внимательно осмотрела свои руки. Пальцев было десять: пять и пять. Внезапно это показалось ей странным. «Почему я удивляюсь, что знаю о джуба-джу, ведь они росли перед моим домом!» – подумала она, тряхнула головой и вспомнила, что перед ее домом на Земле-11 рос только искусственный газон с ежегодно обновляющейся безопасной пластиковой скамейкой.

Варя вышла из-под душа, слегка отжала волосы и накинула на себя полотенце-халатик. С одной стороны, ей было спокойно и весело, с другой – тревожно и непонятно.

– А может, я просто сплю! – вдруг громко произнесла

она. – А раз так, надо скорей побежать к морю, а то проснусь раньше времени и не поплаваю даже. Интересно, в передевалке найдется подходящий по размеру купальник?

Впрочем, Варя понимала, что не спит. И отлично знала, что подходящих по размеру купальников в передевалке – четыре штуки, сама же заказывала по каталогу для этого клювастого создания. «Я заказывала?! – удивлялась собственным мыслям Варя. – И я – клювастое очаровательное создание, со значением дельта-функции, равной единице?! Что за суслик!!!»

Облачившись в купальник и кинув в пляжную сумку шапочку и пакетик вишен, Варя побежала на первый этаж, к лестнице, ведущей на море. О дельтафункции – кстати, что это такое вообще? – девочка старалась не думать, хоть эта мысль упорно вертелась в ее сознании.

– Надо посмотреть, который час, чтобы не обгореть! – громко сказала она, остановившись перед первой ступенькой.

Когда говоришь вслух, особенно если громко, это помогает от мыслей-наваждений. Да?

Часов в нижней комнате было несколько, точнее – семь штук. Но работали, честно перемещая стрелки по кругу, только одни. Остальные исправно стояли, показывая точное время. Варя внезапно осознала, что: а – она не обгорит; б – что стоящие часы показывают внутреннее время сокраща-лок; в – еще что-то такое сложное про эту загадочную дель-

тафункцию, но что именно – для этого в ее лексиконе не хватает слов; г – что в лексиконе Янанны слов хватает для всего, но лучше об этом не думать.

На всякий случай Варя все-таки посмотрела на парочку циферблатов. Часы справа показывали ровно два, часы слева – пятнадцать минут одиннадцатого.

– И это – точное местное время? Бред какой-то! – нахмурилась Варя и стала спускаться по ступенькам каменной винтовой лестницы.

Ах, что это была за лестница! Мечта поэта! Четыре пологих оборота вокруг мощной оси – столба двухметровой толщины, сложенного из поросших мхом камней вулканического происхождения, привезенных по меньшей мере с пяти разных планет.

Ступени и перила также были сотворены из частично обработанного камня, а в тех местах, где мох и плющ отступали, виднелась заливка из благородной бронзы. На втором витке лестница немного сужалась и уводила вбок, тут царил вечный сумрак, пахло тайной и влажными ирисами. Игра света и тени на третьем витке усиливала сладкое ощущение тайны, а на четвертом вдруг начиналось буйство плюща и почти тропических фруктовых ароматов, и на камнях под ногами уже поскрипывал песок, занесенный ветром с пляжа.

– Вау! – прошептала Варя, зачарованно глядя на бескрайнюю изумрудную гладь залива.

Был почти штиль. И почти белый песок – крупноватый, с вкраплениями мелких ракушек. И почти никого – если не считать двух серфингистов и одного летуна над холмами вдали, где кончалась бухта.

– Вау!

Варя, конечно, отдыхала на море, и не раз. С оплаченным многоразовым питанием и гарантированными четырьмя квадратными метрами морской поверхности на мутанта. Это было здорово, потому что на общественных курортных пляжах в сезон и полуметра на нос не получалось. Но чтобы вот так!

– Но чтобы вот та-ак! – выдохнула Варя, бросая на песок сумку и шлепая босиком к морю. – Чтобы вот так...

И вода – теплая! Теплая – не то слово! Варя погрузила в меланхоличную прозрачность руку с браслеткой.

«Температура воды – 24 градуса! – бодро сообщил метеодатчик. Потом подумал немного и добавил: – Сквозная видимость – 87 процентов. Безопасность – 100 процентов».

Варя отстегнула браслетку и бросила ее на берег, к сумке. И стала медленно входить в воду. О, мутобоже, какой же кайф!

Наплескавшись и наплававшись вволю, Варя рухнула на песок – горячий, но не обжигающий, немного позагорала, слопала половину вишен и принялась бродить вдоль кромки воды в поисках интересных ракушек. А потом решила построить из песка дворец. Или замок. Что получится. С ба-

шенками и рвом вокруг. И мостом через ров. А лучше – с двумя мостами.

Возводя третью башенку – ров и мосты были еще не начаты, – Варя вдруг вспомнила о Дюшке. И о маме. И о папе. И о школьных подружках. И о Веньке, то есть о Ризи. И о том, что там у них сейчас Новый год. И о том, что нить заело и черную сокращалку они так и не построили. И опять подумала о Дюшке. И вскочила, неловко снеся коленом вторую башенку и задев первую. И закричала в дрожащий и раскаляющийся воздух:

– Да не люблю, не люблю я его ни капельки!!!

Плюхнулась обратно – попа на песке, ноги в воде. И рыдалась.

...В какой момент на песке по ту сторону разрушенного замка оказалась зеленоватая инопланетянка? И как она так бесшумно перемещается?

– Дельта-функция – это очень простая штука, – сказала Янанна, изящно приземляясь. – Ты легко поймешь суть.

– Я его правда совсем не люблю! – всхлипнула Варя.

– Нам нужен частный случай: дельта-функция двух переменных. Ты знаешь, что такое переменные?

– Он же Клюшка, клюшка мармеладная, вот кто он! – Варя вытерла ладонью глаза и кивнула. – Знаю. Икс и игрек, например.

– Правильно! – обрадовалась Янанна. – Две переменные, икс и игрек. И вот если эти переменные отличаются друг от

друга, значение этой функции равно нулю.

– Плевать мне, чему оно равно! – буркнула Варя. – Я не икс, а Клюшка – не игрек. И я этого рохлю ненавижу! Он здесь вообще ни при чем!

– Разумеется, ни при чем, – согласилась Янанна. – Я его и не имела в виду. В данном случае я нас с тобой имела в виду. Итак, если эти переменные отличаются друг от друга, значение дельта-функции равно нулю. А если они совпадают или находят способ и возможность совпасть, она становится равна единице.

– И что? – поджала губы Варя.

– На единицу можно умножать, – улыбнулась обеими ртами Янанна. – И ничего не исчезнет. И все будет иметь смысл.

Варя в последний раз всхлипнула и взяла из пакета, который протягивала ей Янанна, распаренную на солнце сочную вишенку.

– Все равно нить не расклинило пока, – сказала она. – Во, смотрите!

Черный тонкий браслет – шнурок, который сейчас был виден и материален, делал три целых и четырнадцать сотых оборота вокруг запястья Вариной руки и уходил одним концом в ладонь, вторым – в бесконечность.

Янанна кивнула:

– Да, кстати, дельта-функция одной вещественной переменной – а Мебби Клейн всегда является одной переменной – становится равна бесконечности в том случае, когда эта пе-

ременная становится равна нулю.

Варя ничего не поняла, поэтому молча взяла из пакета еще одну вишенку.

Глава 4

Лещца Мымбе и Мамаш Мумуш

Разумному существу по имени Старк не спалось потому, что Старк вообще почти никогда не спал, ему это было попросту не нужно.

На Земле-6 от странной болезни погибали черепашки.

На Земле-11 была не до конца ясна проблема с Ризенгри Шортэндлонгом.

С Земли-28 на Землю-75 неправильно перебрасывалась энергия.

С планеты, которая вообще никого не интересовала, исчезали водоросли.

На этот раз Старк не стал трогать черепашек и водоросли. Он отправился на 28-ю и 75-ю Земли. Как всегда, одновре-

менно.

Цивилизация на 28-й Земле давно достигла мощного технического и культурного расцвета. Люди тут жили весело и почти без проблем. Старк материализовался на площадке перед зданием, состоящим из высоких башен, соединенных мостиками. Этот навороченный небоскреб был обычным игровым центром, аттракционом. В башнях можно было падать, кувыркаясь, и стремительно взлетать, мостики служили боковыми проходами. Вокруг центра ходили маленькие, сухонькие, тщедушные люди с матовой зеленоватой кожей и огромными глазами без белков. Ресниц и бровей у них тоже не было. В общем, если вы видели классический портрет инопланетянина семидесятых годов двадцатого века, то людей-28 можно дальше не описывать. Единственная разница – инопланетян обычно изображали одного роста и в серебристых скафандрах, а тут встречались люди от метра до полутора метров, и одеты они были куда разнообразнее.

Диди. У многих из вас будет возможность попасть когда-нибудь на Землю-28. Однако въезд и влет туда сильно ограничен. В настоящее время очередь растянулась более чем на полтора столетия. Если вас не устраивает столь долгое ожидание, попробуйте получить приглашение на свадьбу. Официальные приглашения обычно начинают рассылать примерно за 50 лет до церемонии и завершают рассылку примерно лет за 40 до.

Старк увидел ее издали. Миловидная девушка в жизне-радостном желтом костюме с огромным количеством антен-нок и проводочков вышла из башни вместе со стайкой по-дружек. Ее кожа приобрела теплый розоватый оттенок, зна-чит, ей было сейчас очень хорошо. Людям с 28-й Земли не свойственно улыбаться, эмоции проступают на их телах раз-ными оттенками. Старк не особенно симпатизировал этим самовлюбленным и самодостаточным зеленым человечкам, но сейчас, глядя на эту хорошо знакомую ему девушку, он невольно улыбнулся. Девушка заметила Старка, моргнула обоими глазами в знак приветствия. Людям с 28-й Земли не свойственно махать рукой, кивать головой или вопить на всю ивановскую: «Приве-е-ет!» Моргнул – и ладно.

Девушка оторвалась от подружек, засеменила в сторону ангела. Людям с 28-й Земли свойственно подходить к анге-лам, если те специально прилетели пообщаться.

– Добро пожаловать, ангел.

Ее лицо все еще было розовато-зеленое, но четырехпалые кисти рук уже потемнели. Значит, Лещца Мымбе была не так уж рада видеть Старка. Она просто была от природы веж-лива и дружелюбна, как большинство землян-28.

– Ты появляешься всегда, когда я собираюсь заряжаться. Почему... то... – Ле произнесла это так, словно не спраши-вала «почему?», а спокойно утверждала – «почему-то».

Но Старк знал, что подобная интонация – всего лишь дань

местным правилам этикета. Задавать вопросы не очень прилично. Если собеседник захочет, он ответит и без вопроса. «Почему» с запоздалым довеском «то» было правильнее перевести как «я не знаю почему».

– Я не хочу отвлекать тебя от других дел, – ответил Старк и, помедлив, добавил: – У тебя скоро будет много других дел, милая Ле!

Лещца Мымбе собиралась выйти замуж. Она поняла, что ангел подразумевает именно это. Девушка порозовела – и сразу же посерела. В переводе на наши эмоции она улыбнулась и тут же нахмурилась:

– Иногда мне кажется, что ангелы очень точно знают будущее.

Старк не мог сказать ей, что он не просто «знает будущее». Что он как раз из этого будущего сюда и прилетает уже в который раз. Что вот это время, которое Лещце Мымбе кажется настоящим, на самом деле – очень далекое прошлое. Что он знает про ее жизнь все и во всех подробностях.

Ле была замечательной девушкой. Она могла стать ангелом. Она могла жить на своей планете сколь угодно долго, потому что возможности медицины Земли-28 практически безграничны. Но в один из дней она решила стать другим существом на другой планете, на Земле-75. Это было странное решение, но не слишком. Как если бы кто-то из нас с вами решил сделать себе жабры и уплыть жить с дельфинами. Вольному воля, почему бы нет? Да вот только когда Лещца

Мымбе стала другим существом, произошло нечто, с точки зрения физики совершенно необычное. Именно это и заинтересовало Старка. Что же было в Ле такое особенное? Чем она отличалась от других?

С Землей-28 у ангелов были совсем другие отношения, не то что с Землей-11 или с нашей Землей. Старк не мог переместить в Ле часть себя без ее разрешения. А на разрешение можно было не рассчитывать.

– Мы можем прогнозировать будущее, – сказал Старк.

Лещца это и так знала. Она ничего не ответила, даже не моргнула. Спокойно прошла мимо ангела в сторону ближайшего салона зарядки. На Земле-28 таких салонов, как у нас кафе в больших городах: на каждом углу. В том салоне, куда вошла Лещца, оказалось совсем мало народу. Ле прошла в дальний угол, где не было вообще никого.

– Я не только могу предсказать твое будущее, – продолжил Старк. – Я могу исполнить любое твое желание. Прямо сейчас.

Лещца медленно моргнула в ответ и занялась подбором «коктейля для зарядки». На трехуровневом столике с несколькими изогнутыми столешницами находилось не менее ста баночек, колбочек и флаконов всевозможных видов. В плашках-кругляшках были насыпаны разноцветные порошки. В центре на квадратном подносе висилась горка светло-серых шариков разных размеров: от горошины до небольшой сливы. Повсюду были разбросаны тюбики с яр-

кими этикетками. Все в целом отдаленно напоминало рабочее место маникюрши, химика и художника, три в одном. Уверенными и в то же время мягкими движениями Ле принялась колдовать над любимой смесью. И только когда она использовала почти все серые шарики (каждый пропитывался содержимым склянок, плашек и тюбиков, а потом отправлялся в смеситель), девушка ответила:

– Ты не можешь исполнить любое.

– Да, я не точно выразился. Не любое. Но я ангел и могу многое.

Лещца отправила в смеситель последний шарик и стала проверять, что у нее получилось в итоге. Старк молча ждал.

– Что-то я должна буду тебе взамен...

Опять это был не вопрос, а словно рассуждение вслух.

– Ничего ты мне не будешь должна. Могу же я сделать тебе свадебный подарок.

Ле проверила содержимое смесителя и добавила в него еще один шарик, окунув его перед этим в плоску с булькающим ароматным маслом и с пенкой цвета мердуа, или гусиного помета, – что-то желто-зеленое, с коричневым отливом.

– Да, я жду от тебя подарок, – как будто это было само собой разумеющимся, моргнула Ле. – Ты можешь обсудить подарки с моими друзьями. Я передам тебе официальное приглашение на обсуждение подарков. В тот же день, что и всем остальным.

– Может быть, ты хочешь что-то особенное. – Старк по-

старался не придавать своей фразе вопросительный оттенок.

Лещца Мымбе еще раз проверила смесь и запустила аппарат.

– Я не хочу, чтобы ты предсказывал мое будущее, – спокойно ответила Ле. – Меня ждет хорошее будущее, ведь я – житель Земли-28! Я думаю, что ты не хочешь лишиться меня интереса и неожиданностей.

«Вот оно!» – обрадовался Старк. В этом ответе содержалось больше, чем собиралась произнести вслух Ле. Вот оно что! Есть! Лещце Мымбе хотелось «интереса и неожиданностей». Но какие могут быть неожиданности и интерес, если твое будущее – гарантированно хорошее и застрахованное от всего на свете? Большинству землян-28 хватало такого счастья, Лещце, очевидно, нет. Старк не знал, отдает ли Лещца отчет самой себе в том, что с ней происходит. Теперь он знает, какой подарок он может ей сделать!

– Я могу подарить тебе такую обалденную неожиданность, которая тебе даже не снилась! – сказал Старк. – Ты же знаешь, я – ангел, а ангелы никогда не врут. Я могу подарить тебе такую неожиданность, от которой ты будешь в полном восторге! Хочешь? То есть я хотел сказать, если ты хочешь...

Вот сейчас Ле должна порозоветь! Но Лещца только мягко моргнула, оставаясь привычного темно-зеленого цвета.

– Спасибо, ангел Старк. Я передам тебе официальное приглашение на обсуждение подарков. В тот же день, что и всем остальным. Ты сможешь обсудить подарки со всеми мои-

ми друзьями. Наверное, неожиданность может быть подарком...

Смеситель закончил готовить коктейль. Вместо подноса с шариками появился широкий валик с углублениями для ладоней. Лещца протянула руки к валику.

Следующие полчаса Старк развлекал девушку демонстрацией свадебных обрядов на разных планетах. Одновременно с этим он продолжал свою работу на Земле-75.

...На Земле-75 позавчера изобрели пончики с кремом. По этому поводу было решено устроить грандиозный всепланетный праздник. Пир на весь мир. Земляне-75 не отличались умом и сообразительностью, поэтому каждое новое изобретение отмечалось ими бурно, с размахом. Новость облетела планету в считанные секунды – всепланетная информационная сеть у землян-75 была. Правда, они не изобретали ее сами, эту сеть подарили им ангелы, как и многое, многое другое. Но зато они научились ею пользоваться. А пончики с кремом изобрели сами. Позавчера, ближе к полудню.

Старк материализовался на площадке перед зданием, состоящим из высоких башен, соединенных мостиками. Это был обычный средневековый замок, аж в пять этажей, в котором жил тот самый повар, сумевший придумать, как засовывать крем в тесто. В башнях можно было падать с винтовых лестниц, кувыркаться на скользких лестничных пролетах и стремительно взлетать в воздух от ужаса при неожиданной встрече с какой-нибудь местной откормленной кры-

сой. Мостики служили боковыми проходами между башенками. Земляне-75 не придумывали ни мостиков, ни башенок, ни даже кирпичей, из которых все это построено. Они умели возводить подобные сооружения потому, что их научили этому ангелы. Зато уж возводили на совесть!

Вокруг замка волновалась огромная толпа народу. Только и разговоров было что о новых чудесных пончиках! Хотя «разговоров» не было. Все просто дружно орали наперебой. В основном орали одно и то же: «Ура!», «Пончики!», «С кремом!», «Да здравствует!» и «Наш Мамаш!». Здоровенный детина в разодранной, но чистой рубахе восседал на гигантской бочке посреди всеобщего безумия с видом усталым, но необычайно довольным. Это был тот самый повар Мамаш Мумуш, в одночасье ставший одним из знаменитейших людей Земли-75. Именно этому человеку суждено будет умереть с огромной потерей энергии как раз в тот момент, когда Лещца Мымбе завершит свою трансформацию в толстую, откормленную крысу, живущую в подвалах замка Мамаша Мумуша.

С Землей-75 у ангелов были совсем другие отношения, не то что с Землей-28. Старк мог перемещать себя в землян-75 без их разрешения и сколько угодно. Исключение составляли только те земляне-75, которые были новаторами-изобретателями. За всю историю Земли-75 на ней родилось всего тридцать три изобретателя. Первый открыл новый способ зажигания спичек – способом «к себе», а не «от себя». Де-

сятый сочинил стихотворение из двух строчек. Двадцать девятый усовершенствовал компьютерную мышь – придумал красить левую часть мыши красным цветом, чтобы легче было запоминать, где лево.

Тридцать третьим и самым продвинутым изобретателем был Мумуш. Старк не мог переместить в Мумуша часть себя без его разрешения. А на разрешение можно было не рассчитывать: ангелов Мумуш боялся куда больше, чем наглых крыс, на которых не было никакой управы.

– Ангел! – закричал Мумуш, заметив Старка. – Ангел!

– Ангел! – завопили остальные, оборачиваясь к Старку и уступая ему дорогу.

– Дорогу ангелу! – кричали самые продвинутые.

– К нам прилетел ангел! – пропищала какая-то некрасивая конопатая девочка.

Старк улыбнулся девочке и подумал, что из нее можно было бы, наверное, вырастить изобретательницу. Девочка, увидев, что ей улыбнулся сам ангел, запрокинула голову и стала ржать от восторга. Старк на всякий случай решил больше никому не улыбаться. Не ровен час, вся толпа зайдется в радостной истерике. Успокаивать народ Старку не хотелось. Он подошел к Мумушу. Плавно взлетел в воздух, зависнув рядом с бочкой. Поднял руку в знак того, что будет говорить. Земляне-75, привычные к таким визитам ангелов, мигом угомонились.

– Здравствуйте, люди! – сказал Старк, распределяя зву-

ковую волну таким образом, чтобы она достигала всех одновременно и чтобы его речь звучала для всех одинаково громко.

Народ воодушевленно загудел. Старк опять поднял руку. Все опять заткнулись. Старк произнес короткую и доходчивую речь, в которой поздравил Мамаша Мумуша с достижением и сообщил, что им необходимо поговорить один на один. Для того чтобы суть его речи дошла до каждого, Старк временно усилил мозговые способности всех слушателей, включая самого Мумуша. И, лишь убедившись в том, что дошло действительно до всех, а сам Мумуш польщен так, что дальше некуда, Старк опустил руку и медленно приземлился. Толпа вновь расступилась. Мамаш Мумуш с достоинством слез с бочки на землю и последовал вслед за ангелом в замок.

– Ты – великий изобретатель, Мамаш Мумуш! – торжественно, без тени иронии произнес Старк, когда они остались одни в центральном, самом красивом, зале замка. – Ты сделал то, чего не сделал никто!

– Я сделал то, чего не сделал никто! – как можно скромнее повторил Мумуш.

Он ликовал: ангел говорил с ним! Старк с сомнением посмотрел на расплывающегося от гордости Мумуша и потихоньку усилил его интеллектуальные способности до максимально возможного уровня.

– Ты лучший из всех! Ты особенный!

Мумуш его понял.

– Ты во многом похож на нас, ангелов, – продолжил Старк. – Ты хотел бы когда-нибудь стать ангелом, Мамаш Мумуш?

Мумуш растерялся. Изобрести пончик с кремом землянину-75 было почти невозможно, и все же это было куда легче, чем представить, что он может стать ангелом! Мумуш побагровел от натуги. В замешательстве и напряжении он уставился на одну из колонн, подпирающую тяжелый свод зала, и застыл, пытаясь осмыслить вопрос ангела. Старк тоже уставился на колонну – из солидарности.

Колонна была выточена из цельного серого камня с синеватым отливом и чем-то напоминала огромную слоновью ногу. Ее нижняя часть была утолщена, средняя как бы состояла из отдельных округлых сегментов, а в верхней части по кругу располагались желтые и зеленые овальные светильники. Она была наклонена, как Пизанская башня на Земле-12 или как все дома на Земле-191. Старк внимательнейшим образом изучил колонну и от нечего делать принялся исследовать пол. Пол был выложен каменной плиткой, причем довольно аккуратно. Однако он был не горизонтальный, а какой-то волнистый: некоторые части явно возвышались над остальными. Старк мысленно хмыкнул: интересно, кто научил этих людишек возводить подобный архитектурный бред? Он мысленно погуглил. А, понятно, это резвились на досуге два молоденьких ангела-второклассника. Ну-ну...

– Ты хотел бы когда-нибудь стать ангелом, Мумуш? – Старк освежил свой вопрос в памяти повара.

Мумуш вздрогнул и оторвал взгляд от колонны.

– Да, – сказал он вполне осмысленно.

– Ты хотел бы стать ангелом?

– Да!

– Это хорошо, – похвалил его Старк.

Старик знал, что Мамаш Мумуш никогда не станет ангелом. Но ведь он и не обещал ему ничего! Он просто спросил: «Ты хочешь?», получил ответ: «Да!», похвалил: «Это хорошо!» Ангел-эксперт не делал ничего плохого. Наоборот, он помог этому бедолаге стать умнее, выделил его из толпы, вселил в него уверенность, подарил надежду и ни в чем не соврал при этом. Ангел-эксперт сделал все, что мог. Но разрешения влезть в сознание повара так и не получил.

Вопрос с Лещцей, Мумушем и двумя Землями, 28-й и 75-й, по-прежнему пока оставался открытым. Ну и ладно. С этим вопросом можно было не торопиться.

Глава 5

Клон по имени Роберт

Есть такое старинное поверье: как встретишь Новый год, так его весь и проведешь. Этот Новый год Дюшка Ключкин попросту проспал. Когда он наконец продрал глаза, за окном было темно. Его опять тошнило, все вокруг расплывалось еще сильнее, чем утром, и обстановку он совершенно не узнавал. Вроде бы он находился в больнице. Да, точно. Его подобрал на улице этот, как его... такой приятный врач... такой гад... Как же его звали? Ключкин попытался остановить вращение стен, привстать и сфокусироваться. Ему это частично удалось. Даже показалось, что кто-то живой сидит на пуфике напротив. Он хотел спросить, который сейчас час, но не смог. Рухнул на подушки и опять отключился.

Проспал он еще около двух часов. На этот раз пробуждение было более полным. Дюшка поднял голову, увидел ночник около кровати, бокал с водой, нарезанный дольками лимон на тарелочке. Потом приподнялся, огляделся повнимательнее. Нет, он явно находился не в больнице. Это была богато обставленная спальня. Не самая современная, но богатая. Кучи ненужных мелочей повсюду. Водопад в углу. Дюшка попробовал встать. Ноги подгибались, как ватные, но, в общем, ничего страшного. В комнате никого не было. Дюш-

ка доковылял до окна. Окно оказалось обыкновенное, без решеток. Во весь подоконник – искусственная лужайка. Не очень удобно, зато оригинально. Дюшка подошел к двери и очень удивился тому, что она не заперта.

Дверь из спальни вела не в коридор, как было традиционно принято, а в другую комнату. В этой комнате на диване спал незнакомый Дюшке молодой человек. От шума, который невольно производил Дюшка, он проснулся.

– А, это ты! – сказал мужчина таким тоном, как будто они сто лет знакомы и час назад расстались. – Проголодался, что ли? Ну, да ладно, что с тобой впустую разговаривать...

Он повернулся к стенке и тут же захрапел. Дюшка действительно хотел есть. Он спустился вниз, медленно, но верно приходя в себя. Содержимое многочисленных тарелок на столе привело его в восторг. Он плюхнулся на стул и придвинул к себе чистую посудину. И только под завязку набив брюхо, Ключкин подумал о том, что оба прошлых раза снотворное ему подсыпали именно в еду. Впрочем, на этот раз, кажется, обошлось. Дюшка расслабился. В доме, куда он попал, было на удивление тепло. Особенно приятно, что пол теплый. Многие морозоустойчивые мутанты в последнее время полюбили обдуваемые прохладным ветром полы, которые Ключкину ни капельки не нравились. Дюшка огляделся по сторонам, и его взгляд наткнулся на часы-календарь. Оказалось, что уже наступило первое января. Дюшка расстроился: вот тебе и Новый год! Впрочем, ему было на-

столько муторно, что он не стал застревать на том, чего все равно уже не изменить. Кроме того, у него не было времени переживать. Дюшка автоматически переключился на планирование своего ближайшего будущего.

На улице завывала метель. В любом случае надо убежать, но куда и как? Как минимум, нужна одежда. Только сейчас Ключкин обнаружил, что на нем серый с белой пуховой прокладкой спортивный костюм. Новенький, удобный. В прошлый раз он был в стираной пижаме на размер больше, чем требовалось. Но что же с ним произошло на самом деле, где он находится и как сюда попал? Дюшка понимал, что, кто бы его сюда ни доставил, этот человек – враг, который ищет свою выгоду. Среди мутантов альтруистов не бывает.

Дюшка добрался до входа. Интерьер вместительной прихожей напоминал деревенский дворик. Так уж случилось, что Ключкин больше интересовался в жизни камнями и не особо разбирался в столярном ремесле, поэтому у него возникло ощущение, что мебель в прихожей сделана из настоящего, живого дерева. Неужели мутанты способны и на такие зверства? Стараясь не обращать внимание на мебель, Дюшка направился к входной двери. Перед ним, брошенные прямо на пол, горой валялись теплые вещи: салатное, из благородной ткани, мужское пальто, в тон ему, чуть темнее, – шарф, затем куртка с разодранным рукавом, перчатки, портмоне, большая спортивная сумка. В углу, в шкафчике, утопленном в стенку и стилизованном под деревенскую изгородь, аккумуля-

ратными рядами стояла обувь, преимущественно зимняя. В доме по-прежнему царила идеальная тишина, если не считать еле различимого шуршания старенького уборщика, который в данный момент драил чьи-то выдавшие виды сапоги. Дюшка воровато оглянулся и протянул руку к паре ботинок с верхней полки.

– Не уйдет! – сказал один из двух ангелов, сидящих справа от Дюшки на лавочке из натурального дерева.

– На что спорим?

– На что хочешь. До ворот – не считается.

– Так он же не догадается, что сигнализация с защитой отключена!

– Пусть пробует!

– Димыч, у тебя завышенные требования к своей канарейке. Из золотой клетки с кормушкой и подогревом – в ночь, мороз и полнейшую неизвестность. И чем он, по-твоему, должен проверять наличие сигнализации? Пальчик в розетку сунуть?

– Ну, помоги же мне, пожалуйста! – вдруг тихо, но очень отчетливо прошептал Дюшка. – Ты же ангел. Ну, что тебе стоит? Один раз. Ты же никогда мне не помогал, но сейчас, пожалуйста!

– Ничего себе! – поразился Рон Э-Ли-Ли-Доу. – Он мог нас заметить?

– Совершенно исключено! – ответил Дима Чахлык. – Старые штучки, миллион раз от него слышал. Ты просто раньше

не проводил около него столько времени.

– Раньше я возился с Джен, с Ризом, а еще школа. Сам же знаешь.

– Да я просто тебе объясняю.

Дюшка одевался основательно. Сунул в карман портмоне, предварительно убедившись в том, что в нем есть деньги, не забыл про горсть шоколадок из кухни.

– Кажется, когда-то это называлось воровством, – заметил Рон.

– Он вернет! – возмутился Дима и не очень уверенным тоном добавил: – Если вспомнит.

Свою последнюю жизнь на Земле-11 Дима Чахлык провел, играя в баскетбол за сборную одной из Афффриканских республик. Во время этой бурной, не слишком подходящей для подготовки к переходу в ангелы жизни ему частенько доводилось невзначай прихватывать не принадлежащие ему вещи, а затем благополучно забывать возвращать их законным владельцам. Тогда он действительно забывал. Сейчас помнил о каждой мелочи, вплоть до огрызка карандаша, механически перекочевавшего в его портфель из пенала соседки по парте в первом классе.

– За ворота не уйдет, – сказал Дима. – Ставлю четыре своих часа против одного твоего!

– По рукам! – согласился Рон.

Дюшка надвинул поглубже капюшон и вышел из дому. Ангелы вспорхнули вверх и устроились на любимом месте

ангелов, на краешке карниза. Ворота были приветливо открыты. Ключкин добрел до них и остановился.

– Ну, помоги же мне! – зашептал он. – Ну, пожалуйста. Ну, пусть защиты не будет, ладно? Такого не может быть, они же не идиоты, чтоб ни сторожа, ни сигнализации, но вы же все можете, ну, пусть ее не будет! Я все равно пройду. Все равно. Даже если меня на полоски разрежет, пусть. Какая разница, все равно...

Дюшка отчетливо представил себе, как не видимые и не ощущаемые им лучи, охраняющие дом с парком, рассекают его тело на тонкие кровяные ломтики. Он сделал шаг и остановился. Повернулся, сделал шаг обратно и опять остановился.

– Ну что же я такой! – ругал сам себя Дюшка. – Я же решил, ну решил же! Может, там и нет ничего. И даже если есть, так что? Еще два шага, только два!

Дюшка зажмурился и сделал два шага. Только не в сторону ворот, а обратно, в сторону виллы.

– Ты проиграл! – сказал один из ангелов другому. – Угадай, кем ты теперь будешь в течение часа...

– Не скажи «самкой в термитнике», – вздохнул Рон, между тем как Дюшка Ключкин, глотая слезы и безмерно жалея себя, обреченно возвращался обратно.

Спор ангелов был прост: проигравшая сторона брала на себя обязательство пробыть установленное время (в данном случае – один час по земному стандарту) тем, кем пожела-

ет выигравшая сторона. Дальше вариантов было несколько. В зависимости от предварительной договоренности вселяться можно было частично, оставляя себе при этом собственное сознание, или полностью, как бы на самом деле становясь тем, в кого вселяешься. Разумеется, второй вариант был намного сложнее. Дима с Роном всегда спорили по второму варианту. Кстати, для объекта, в которого вселялись, этого промежутка времени просто как бы не существовало. Прикол было вселить своего противника, например, в директора школы, наградив его сознанием распоследнего двоечника, а самому стать двоечником, сохранив, разумеется, свое сознание в нетронутом виде. Или еще что-нибудь в этом роде. Короче говоря, развлечение в итоге получалось для обоих.

Пока Дюшка раздевался, рыдая и искренне считая всех ангелов на свете, если они только есть, законченными паразитами, Рон Э-Ли-Ли-Доу тщетно пытался угадать, кем ему придется побывать на этот раз.

– Ты будешь Тафанаилом! – наконец сжалился над ним Дима.

– Директором?

– Котенком. Только не сейчас, а когда я выберу подходящий момент.

Уточнение «подходящий» Рональду Э-Ли-Ли-Доу сразу сильно не понравилось. Он надулся и заявил, что, пожалуй, слетает в институт проверить, как идет подготовка к приему

учеников. И весь целиком улетел. И четвертая часть Димы Чахлыка осталась на даче в полном одиночестве. Если, конечно, не считать присутствия на ней двух мутантов и одного человека.

От нечего делать Дима принялся мухой летать по дому, стремясь узнать побольше о его хозяевах. Вещи, которыми обычно пользуются люди, могут сказать о них гораздо больше того, что люди в состоянии рассказать о себе сами. Через час маленькая зеленая муха уже знала о том, что все последние годы в дом навевывалась какая-то посторонняя мутантка, любительница красного вина и шелковых покрывал. Еще через полчаса муха-Дима лениво вычислил, что это та самая особа с фотографии, висящей напротив входа. У Димы было полно дел помимо этой мутантки, но улететь целиком он пока не мог, поскольку с Дюшкой все еще продолжалась настоящая истерика.

Клюшкин не имел ни малейшего понятия о том, где он находится и что ему теперь делать. Он только осознавал, что его обманывали всю жизнь и обманули опять. И надеяться ему совершенно не на кого. Даже его лучший друг Венька, то есть Риз, и тот ему постоянно врал. Помог, называется! Датчики вытащил! Какая разница, с датчиками ты или без них, если встречаешь Новый год в психушке, а потом просыпаешься фактически опять в тюрьме. Попробуй отсюда выберись! Дюшка с обидой подумал о том, как Ризи сейчас дарит маме алмазную шкатулку, над которой он, Дюшка, во-

зился чуть ли не два месяца. И как гуляет вместо него с Варей Ворониной, и как возится с Тафиком. Вспомнив о Тафике, Дюшка зарыдал с новой силой, окончательно сполз на пол и, захлебываясь, застонал, обхватив голову руками. Дюшка подумал о том, что Риз специально все подстроил так, чтобы занять его, Дюшкино, место. Теперь небось радуется, в бассейне плавает. Или подарки рассматривает. Не свои подарки, а его, Дюшкины.

Дима Чахлык не знал, о чем конкретно плачет Ключкин, хотя, в общем, по сероватой противной пленке над его головой догадывался. И ему очень захотелось выругаться или стукнуть своего подопечного по башке чем-нибудь тяжелым. Выйдя из образа мухи и растянувшись в тонком состоянии, ангел завис в воздухе напротив Дюшки и принялся думать о Ризенгри. Это было несложно – ведь вторая четверть Димы сейчас находилась именно около Риза.

Новогодняя ночь потихонечку заканчивалась. Старый механический уборщик, справившись наконец с грудой одежды, подполз к Дюшке и попытался выцарапать из-под него куртку, на которой тот лежал. Дюшка, пошатываясь, поднялся, уступая куртку, и побрел вверх, в ту комнату, куда его изначально поместили. Он чувствовал себя несчастным и уставшим, как побитый покусодонт. Прежде чем что-то предпринять, Дюшка решил как следует выспаться. Как только он залез под одеяло, Дима Чахлык помчался вон из виллы.

Майкл проснулся в начале девятого. Мормышка Ы дрых без задних ног в кресле у стола, а найденный ими вчера человеческий клон спокойно посапывал в изумрудной спальне для гостей. Майкл принял душ и начал действовать. Прежде всего он связался с личным адвокатом, Лейлой Бабаевой.

Предприимчивостью и энергией Михаил, или Майкл, Кэшлоу пошел в отца. С той лишь разницей, что, пока отец активно приумножал состояние, занимаясь нефтью, сын не менее активно это состояние тратил, хронически страдая всякой ерундой. За свою не слишком длинную жизнь он уже успел побывать дирижером национального оркестра, причем оркестр для этой цели пришлось набирать из непонятно кого, так как именитые музыканты ни за какие деньги не захотели принимать участие в подобной авантюре. Затем солидная доля папочкиных сбережений отправилась в карманы организаторов телекомпании «Шибза Клизме», президентом которой был Майкл. Эта телекомпания с рекордным постоянством занимала самую последнюю строчку в рейтинге в течение года, после чего тихо самоликвидировалась с помощью одного из папиных юристов, крупного специалиста в области вытягивания средств из своих клиентов.

И вот теперь Майкл ударился в науку. Сперва он собирался стать директором секретного института обычным путем: быстренько защитить парочку диссертаций, помелькать пару-тройку месяцев на каких-нибудь симпозиумах или кон-

ференциях и подарить старому директору перед его уходом на пенсию хрустальную яхту в натуральную величину или какой-нибудь старинный самолет с пропеллером. Ну, чтобы тот, типа, не обижался. Но теперь, когда Майклу в руки попал клон последнего человека, он решил не мелочиться, а оборудовать собственное здание, набрать штат сотрудников и тут же заняться исследованиями. Над тем, какими именно будут исследования, Майкл пока не успел подумать. Это ему было не важно. Первым делом необходимо было оформить право собственности на найденный им клон. В том, что паренек, спящий в его изумрудной спальне на втором этаже, является клоном, Майкл ни капельки не сомневался. Ведь настоящего Андрея Ключкина ни на секунду не упускали из поля зрения с самого момента его рождения! Теоретически пацан мог быть не клоном Ключкина, а его копией, но практически Майкл считал это совершенно невероятным.

Тут хорошо бы немного отвлечься и объяснить, что такое клон, что такое копия и чем, собственно, они отличаются друг от друга. Клон – это всего лишь навсего организм, генетический код которого с точностью до нуклеиновой кислоты совпадает с «материнским», или основным, организмом. Взяли клеточку, вырастили из нее особь – вот тебе и клон. Почти как близнец. Только вот близнецы, как бы они ни были похожи внешне, все равно вырастают разными. Например, один из них становится химиком, а второй, к примеру, каким-нибудь маркшейдером. У них появляются раз-

ные друзья, разный жизненный опыт и порой диаметрально противоположные взгляды на мир. Ничего интересного. А ученым всегда хотелось научиться повторять человека полностью. Так, чтобы сходство получалось не только внешнее, но и внутреннее. Чтобы не просто, как под копирку, а – полностью то же самое. Чтобы вроде было бы два разных человека, а личность – одна. Короче говоря, полная копия. Сначала это казалось совершенно невозможным. Ведь нельзя же создать двум людям, то есть клонам, совершенно одинаковые условия существования.

Но после того, как один великий мутантский ученый открыл свою знаменитую теорию абсолютности, создание копий стало допустимым. Для того чтобы создать копию, нужно было взять двух клонов одного возраста и в хорошем состоянии, стереть у одного из них всю имеющуюся информацию и скопировать на освободившееся место данные, хранящиеся в другом клоне. А своеобразным копировальным станком, позволяющим проделать подобную операцию, являлось то самое абсолютное поле, открытое великим мутантским ученым. Для создания абсолютных полей мутанты использовали биореакторы. Самым лучшим биореактором считался замедлитель под Джадо, куда, собственно, и стремился Дюшка.

Правда, создание человеческих, то есть мутантских, копий запрещалось законом, поэтому ученые пока тренировались на мышках, царапазаврах и кроликах, но ни один му-

тант не сомневался в том, что на самом деле такие копии давно уже существуют. И возможно, даже разгуливают среди обыкновенных мутантов. А вот создание клонов, в отличие от копий, законами разрешалось. Однако со значительными оговорками. Создавая клон, его необходимо было сделать заведомо ущербным, желательно полностью без собственного сознания.

Клоны не ощущали себя личностями, некоторых – попроще и подешевле – обучали только самым элементарным навыкам. Что-то вроде мягкой ходящей статуи в натуральную величину или зомби. Стоили клоны дорого, а возни с ними было много. Куда удобнее обычные биороботы! Ведь работа всегда можно отключить, и его не надо выращивать, кормить и холить. В основном клоны заказывали известные политики, банкиры, шоумены и изредка актеры и каскадеры. Юридически клон не считался физическим лицом, гражданином, вообще человеком. Его можно было дарить, завещать, закладывать, выставлять на аукцион и при желании даже уничтожить. Это было, в общем, верно.

Дюшке, будь он клоном, не могла бы прийти в голову даже сама мысль о побеге! Именно поэтому Майкл, заваливаясь спать, и не подумал запереть свою находку. Ну, а про сигнализацию он по природной безалаберности просто забыл.

Лейла Бабаевна, молодящаяся, перепончатошейная мутантка, смотрела всего лишь третий сон, когда ее разбудил звонок Майкла. Богатенький сын богатенького папочки на-

значил ей встречу в одном из окраинных парков города через сорок минут. Лейла кисло зевнула, расправила перепонки и поехала на встречу с клиентом.

Майкл Кэшлоу нервно ходил по газону взад-вперед, поглядывая на часы, когда на горизонте нарисовалась невыспавшаяся Лейла.

– Ты опоздала на четыре минуты! – раздраженно бросил Майкл, жестом приглашая женщину в машину.

Лейла посчитала, что ей лучше не оправдываться, а Майкл сразу же перешел к делу. По дороге на виллу Лейла Бабаевна в общих чертах уже представляла себе, что ей предлагается проверить. Во-первых, предстояло убедиться в том, что найденыйш – действительно клон. Для этого нужно было сравнить его ДНК с ДНК настоящего Андрея Ключкина. Насколько было известно Лейле, ответ на экспресс-анализ генома можно было получить в течение пары часов, а вот полный, подтверждающий анализ проводился чуть ли не месяц. Во-вторых, следовало срочно выяснить, не находится ли этот клон в розыске и не включен ли он в список похищенных предметов частной собственности. В-третьих, нужно было сочинить правдоподобную легенду о том, откуда он взялся. И только потом можно было бы предъявлять права на свою находку и думать, как использовать ее с максимальной выгодой. Обладание натуральным клоном последнего человека открывало перед его обладателем фантастические перспективы.

Дюшка проснулся от того, что его кто-то, похоже, фотографировал. Он открыл глаза. Около Дюшкиной кровати стояли и о чем-то спорили двое. Первым был тот самый молодой человек, мимо которого Дюк вчера дважды проходил. Второй была средних лет женщина, с шеей, покрытой жесткими кожистыми перепонками. Женщина держала в длинных шершавых руках прозрачный пакетик и смотрела на Дюшку так, будто разглядывала ценный предмет мебели в антикварном магазине.

– Он разговаривать умеет? – спросила женщина.

– Понятия не имею! – пожал плечами мужчина.

Они еще раз внимательно посмотрели на Дюшку.

– Скажи что-нибудь! – четко, почти по слогам, приказала женщина Дюшке.

– Что сказать? – растерялся Дюшка.

– Умеет! – обрадовался мужчина. – А как тебя зовут?

– Майкл, лучше спросить, какой у него номер! – перебила женщина.

– Меня зовут... Роберт, – ответил Дюшка. – А свой номер я... не помню. То есть у меня нет номера.

Вообще-то Дюшка имел в виду номер телефона. Разумеется, он отлично все помнил. Но решил соврать, что упал, ударился головой и все забыл. Но мужчина, которого называли Майклом, расценил его ответ как-то иначе.

– У него нет номера, Лейла. Он – единственный.

– В таком случае тебе необыкновенно повезло.

Лейла нагнулась к Дюшке, вырвала у него из головы волос и сунула в пакетик. Дюшка вскрикнул от боли и неожиданности, но не нашелся, что ответить.

– Ты хочешь кушать? – спросил Майкл.

– Нет, спасибо, – ответил Дюшка, стараясь говорить вежливо. – Я ел ночью.

– Очень неплохой экземпляр! – заметила Лейла.

В этот момент в комнату вошел заросший шерстью мутант, от которого несло запахом немытого тела и перегаром. Лейла брезгливо отстранилась.

– Александр, мы уезжаем по делам! – объявил заросшему Майкл. – До моего возвращения ты не должен включать компьютер, подходить к телефону или пускать кого бы то ни было на территорию. Понятно?

– А если кто ворвется?

– Защита устроена так, что при пересечении границы наших владений того, кто попытается ворваться, разрежет на мелкие полоски. Так что выходить тоже не советую. Меня может не быть довольно долго. Если что, я свяжусь с тобой по телефону. И кстати, познакомься. Это Роберт. Он умеет ходить, говорить, есть и, я так думаю, он вполне умеет смотреть телевизор. Так что вам будет чем заняться в мое отсутствие. Отвечаешь за него головой. А если что случится, Мормышка Ы, тебя ждет сам знаешь что.

И Майкл многозначительно похлопал себя по боковому

карману, в котором лежала лазерная пушка. Мормышка Ы энергично закивал головой в знак согласия. Лейла и Майкл вышли из комнаты. Ы подобострастно засеменял следом. А Дюшка опять остался в одиночестве, пытаясь вникнуть в смысл их странного разговора. Почему этих людей так удивило то, что он умеет ходить и разговаривать? Может быть, он опять попал в какую-нибудь аварию? Хоть убей, Дюшка не мог вспомнить из своего ближайшего прошлого ничего, кроме комнаты Риза, затем палаты в больнице, толстой медсестры, которая привезла ему обед, и доктора, назвавшегося Семеном Эльфовичем. Дальше в памяти Дюшки сразу шли события уже этой ночи, неудачная попытка побега... Дюшка вздохнул, вылез из постели и потопал вниз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.